И. И. Вейцблит

ДЕРАЖНЯ

СОВРЕМЕННОЕ ЕВРЕЙСКОЕ МЕСТЕЧКО

Государственное Издательство

И. ВЕЙЦБЛИТ

ДЕРАЖНЯ

СОВРЕМЕННОЕ ЕВРЕЙСКОЕ МЕСТЕЧКО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

Digitized by Touro College Libraries
For Project Zikaron
www.zikaron.tourolib.org
2022

Digitized by Touro College Libraries
For Project Zikaron
www.zikaron.tourolib.org
2022

Ленинградский Областлит № 28684. Гиз 28860. Тир. 1000 экз. 7½ л.

Тип. „Коминтерн" Центриздата Народов СССР. Красная ул. 1.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В настоящее время в местечках и маленьких городах и поселениях Белоруссии и Западной Украины имеется около 800 тыс. человек еврейского населения, из которых примерно 400—500 тысяч являются совершенно лишними. Эта часть не может найти себе там занятия — ни как ремесленники, ни как торговцы, служащие или рабочие.

Повторное и подробное изучение вопроса показало, что нищета еврейского населения в мелких городах и поселениях Украины и Белоруссии *совершенно иного типа*, чем например состояние безработицы в Москве или Харькове. В Харькове, Одессе, Киеве, Минске и вообще по всем биржам труда СССР в целом процент безработных евреев по отношению к еврейским членам профсоюзов *гораздо выше*, чем процент безработных не-евреев по отношению к не-еврейским членам профсоюзов. Перепись 16 декабря 1926 года показала это с полной очевидностью (см. статью мою «Социальная структура еврейского населения СССР» в № 15 «Большевика» за 1928 г.). Однако по отношению к еврейским безработным Харькова, Киева, Минска, Москвы и т. д. не принимается никаких особых мер помощи. Что делается здесь для всех безработных, то распространяется в том числе и на еврейских безработных.

Безработица Харькова, Москвы, Минска и прочих средних и крупных городских центров СССР должна

постепенно естественно рассасываться по мере роста промышленности и культурного обслуживания населения и по мере улучшения положения в деревне. Совсем в другом положении мелкие города и местечки в широкой полосе вдоль польской и румынской границ. Здесь нет и не предвидится никакого выхода, кроме создания для большей половины их населения других занятий и кроме выселения с этою целью. Отсюда появление большой программы переселения и перевода еврейской бедноты на занятие земледелием. Она принята Комзетом при ЦИК СССР (комитетом ЦИК по делам еврейского переселения) в октябре 1924 г. в размере пятисот тысяч человек, и в этом размере утверждена затем Президиумом ЦИК СССР.

В конце июня 1928 года при ЦК компартии Украины состоялось совещание по вопросам экономического положения еврейских местечек и переселения еврейской бедноты на землю. В совещании участвовали секретари партийных комитетов Волынского, Каменецкого, Проскуровского, Могилевского, Шепетовского, Бердичевского, Уманского, Одесского, Херсонского, Мелитопольского округов и Молдавского областкома, заведующие орготделами парткомов Первомайского и Криворожского округов, нацменработники Винницкого и Одесского окружных парткомов, а также представители ВСНХ, Наркомтруда, Наркомфина, Наркомзема, Наркомсобеза, Наркомата РКИ, Наркомпроса, Госплана, ЦК комитетов «незаможных селян» (бедноты), ЦК нацмен ВУЦИК'а, Укркомзета, центров сельскохозяйственной и промысловой кооперации и т. д.

Перед совещанием было проведено подробное обследование экономического положения местечек в Волынском, Шепетовском, Винницком, Каменецком, Одесском,

Херсонском округах и в Молдавии, а также обследование еврейских переселенцев в Херсонском и Одесском округах. В большинстве окружных парткомов, участвовавших в совещании, вопрос о местечках предварительно обсуждался в бюро или пленумах. Таким образом работы и выводы совещания опирались на обширный и хорошо проработанный материал. Нам любезно доставлена сводка материалов и сообщений, сделанных на совещании, составленная заведующим АПО ЦК компартии Украины тов. Маркитантом.

Согласно этой сводке совещание нарисовало чрезвычайно тяжелую картину экономического положения местечка, происходящий быстрый процесс его обнищания и вырождения. Положение различных групп местечкового населения рисуется по материалам обследования и выступлений на совещании в следующем виде:

1. Рабочие. В большинстве местечек количество наемных рабочих чрезвычайно ограничено, составляя 5—8% всего населения. Это преимущественно ремесленные рабочие (портные, сапожники, деревообделочники и другие), в своем большинстве переживающие длительную безработицу. Значительное количество работающих не состоят членами профсоюзов и жестоко эксплоатируются. Количественного роста рабочих, и особенно подростков, нет, за исключением тех немногих местечек, вблизи которых находятся фабрики и заводы.

2. Кустари и ремесленники составляют до 40% местечкового населения. Среди этой группы населения происходит довольно заметный процесс расслоения. Кулацко-эксплоататорская часть составляет около 10% всех кустарей и ремесленников. Подавляющее же большинство состоит из малоквалифицированных бедняков, бюджет которых составляет 15—25 руб. в месяц на семью из 4—6 и больше человек. Подав-

ляющее большинство местечковых кустарей переживает хроническую безработицу. Основная причина этого явления — избыток рабочих рук в некоторых отраслях ремесленного труда (портные, сапожники, парикмахеры), вытеснение ряда отраслей кустарной промышленности госпромышленностью (кожевенное, табачное, маслобойное и другие производства). Кроме того дает себя чувствовать товарный голод, почти полное отсутствие организованного снабжения местечковых кустарей сырьем и кредитами.

3. Мелкие торговцы и посредники, составлявшие в прошлом около 50% местечкового населения, в настоящее время в большей части вытеснены из своих прежних занятий. В настоящее время лавочники составляют до 20% всего местечкового населения. За исключением небольшой верхушечной части спекулянтов, подавляющее большинство мелких лавочников продолжает «торговать» только потому, что нет другого выхода, обороты же их ничтожны. Материально подавляющее большинство мелких лавочников живет гораздо хуже кустарей и рабочих. Средний чистый доход в месяц лавочника первого и нередко даже второго разряда исчисляется в 10—15 рублей.

4. Лица без определенных профессий и деклассированные составляют в настоящее время до 30 и больше процентов местечкового населения. Большинство из этих категорий состоит из бывших мелких торговых посредников, бывших лиц духовного звания, ремесленников и т. д. Значительное количество этой категории занимается попрошайничеством. Часть содержится за счет благотворительных организаций, и часть получает поддержку от американских родственников. Надо заметить, что во всех местечках имеется большое количество вдов и сирот,

как результат белобандитских погромов, иногда до 10% всего населения местечка. Они входят в эту группу.

Положение молодежи может быть охарактеризовано как бесперспективное. Подавляющее большинство подрастающего поколения оречено на безделье, не имея никакой возможности обучаться какому-нибудь ремеслу. В местечке Рашков (Молдавия) из 307 подростков имеют некоторое занятие только 90 чел., в местечке Валегоцулово (также Молдавия) из 243 подростков занято только 150, в местечке Романов (Волынь) из 359 имеют занятие 144, в местечке Пулин того же округа из 188 подростков занято только 35 чел., в местечке Виноград (Уманский округ) из 236 подростков имеют занятие 75. Такая же картина во всех других местечках. Необходимо при этом подчеркнуть, что в число имеющих занятие включены помогающие родителям безработные, имеющие какую-либо квалификацию.

На основе всего этого обнищания широких слоев населения еврейских местечек пограничной полосы появляются среди их жителей болезненные в общественно-политическом отношении явления, как рост национализма, клерикализма, противосоветских настроений и т. п. В этих же условиях особенно усиливается эксплоатация бедноты и мелких кустарей немногочисленной имущей частью населения.

Монография, посвященная местечку Деражня, наполняет все эти итоговые статистические выводы живым конкретным содержанием, описанием условий жизни, быта и труда по фактическому материалу определенного места. За типичность выбора ручаются приведенные выше итоговые выводы столь ответственного и хорошо подготовленного совещания, как указанное выше.

Безысходная нищета одних озлобляет, других принижает до того предела, какой привлек общее внимание по делу еврейской работницы Баршай на стекольном заводе «Красный Октябрь» в Белоруссии. Боясь потерять место, несчастная терпела, когда хулиганы из рабочих, с целью развлечения и издевательства над еврейкой, подымали ей платье посреди мастерской и стегали по голому телу. Начавшаяся в белорусской печати волна разоблачений показали, что совершенно такого же типа издевательства над еврейками (насильственное публичное оголение и т. д.), поощряемые их безответностью, забитостью, страхом потерять место, происходили и на некоторых других белорусских заводах.

С другой стороны, имеются за последнее время уже сообщения и о террористических выступлениях еврейской мужской молодежи (избиения, покушения) против лиц, являющихся носителями разгула антисемитизма на почве крайней приниженности, создаваемой бесперспективностью экономического положения еврейской бедноты всех этих местечек.

Монография о Дераж не должна сделать более понятным, почему советская власть признала необходимым принятие особых мер помощи местечковому населению. В этом значение монографии. Докладчикам по вопросу об антисемитизме и т. п. она дает необходимый им конкретный иллюстративный материал.

Ю. Ларин.

24/XII 1928 г.

ОТ АВТОРА

Предлагаемая монография составлена на основании личных наблюдений, опроса, экспертных показаний местных жителей, официальных данных и т. д. Материал был собран в конце лета 1927 г. Разумеется, что с тех пор многое могло измениться, и это надо иметь в виду.

Деражня — одно из сотен еврейских местечек, расположенных на правобережной Украине и в БССР. Деражня — привокзальное местечко. Таких местечек довольно много. Привокзальное местечко во многом отличается от других еврейских местечек: материальное благосостояние, культурный уровень жителей привокзального местечка выше, чем у жителей других местечек. Поэтому итоги и выводы настоящей работы можно распространить на все остальные местечки лишь после целого ряда оговорок. В других местечках положение хуже. Личные наблюдения за жизнью других местечек Подолии, расположенных не у железной дороги, приводят меня к выводу, что и в настоящее время экономическое положение деражнецев несколько выше, чем жителей этих местечек. Даже при современных условиях, когда большинство экономических уз, связывающих жителей Деражни с вокзалом, порваны, все же не менее 20% всех семей Деражни существует за счет заработков от привокзальных профессий (комиссионерство, отправка фруктов и т. д.). Возможность получить заработок у железной дороги несколько смягчает то тяжелое положение, в котором находится Де-

ражня. Деражня — районный центр; это также до некоторой степени положительно отражается на положении деражненцев.

Все же в основном общее экономическое состояние Деражни не на много отличается от положения остальных еврейских местечек. Частная торговля — основа материального благосостояния старого еврейского местечка — с развитием кооперации сходит на-нет. Переживаемый еврейским местечком глубокий кризис может быть изжит лишь при коренной перестройке его социально-экономического бытия.

Автор.

Глава I.

ПО ДОРОГЕ В ДЕРАЖНЮ.

На пути в Деражню мы останавливаемся в Жмеринке, крупной узловой станции правобережной Украины. В моем распоряжении 30 минут; я выхожу из вагона на платформу.

Последний раз я проезжал мимо Жмеринки в конце 1918 года, когда почти весь этот район был в руках петлюровцев.

По всей Юго-западной дороге тогда свирепствовали карательные, головные и тому подобные отряды петлюровцев и других бандитов. Гражданская война была в полном разгаре. Скоро десять лет, как я оставил эту местность. За это время многое было пережито этим районом: белополяки, бандиты разных мастей месяцами систематически грабили и разоряли весь этот край.

Теперь на вокзале не заметишь остатков гражданской войны. Вокзал так же опрятен и чист, как и до войны.

До войны Жмеринка была важнейшим ж.-д. узлом на Украине. Через Жмеринку проходит основная магистраль Юго-западных дорог — Одесса — Киев. Одна ветка соединяла Жмеринку с Бессарабией (теперь румынской границей), другая — с австрийской (теперь — польской) границей.

Большие, красивые залы вокзала всегда бывали переполнены пассажирами. Здесь можно было встретить местных купцов и банковских деятелей, проезжающих купцов различных местечек и городов округа. В этих залах можно было часто встретить и австрийских куп-

цов-евреев, заключающих здесь же на вокзале сделки на десятки вагонов хлеба.

Теперь меня больше всего поразила безлюдность вокзала. Даже в 3-м классе, всегда переполненном, я нашел лишь небольшую группу крестьян, двух старушек.

Может быть это объясняется летним периодом: и до революции грузооборот и пассажирское движение в летние месяцы сильно сокращались. А может быть тем, что до сих пор не налажена торговая связь с нашими соседями (Польшей, Румынией). К тому же отсутствие купцов, маклеров и т. д. объясняется захватом рынка кооперацией и госторговлей.

Я не успел осмотреть весь вокзал. Точно по расписанию мы выехали из Жмеринки.

Вот 54-я верста. Насыпь. С этой насыпью у меня связаны воспоминания о августовских днях 1914 года.

Помню, как вдруг исчезли деньги. В один день оборвалась вся местечковая жизнь. Через Деражню почти каждые 10—15 минут проходили эшелоны, переполненные солдатами, лошадьми, пушками.

Необходимо было срочно укрепить насыпь у 54-й версты. Дружно взялись за необычную для них работу портные, сапожники и мелкие торговцы Деражни. Нужно было вбивать сван в насыпь. По 20—30 человек тянули за веревку, но работа не клеилась: «Баба» еле подымалась. Дорожный мастер ругался, а стоявшие у второй «бабы» деревенские парни хохотали.

Деражненский обыватель получил у этой насыпи первый наглядный урок новой, военной жизни.

Вспоминается еще следующая сценка.

Ремонтный поезд привез новую партию рабочих, среди них был молодой Шапиро. Поезд замедляет ход, рабочие спрыгивают. Остается на платформе только Шапиро. Он растерянно бегает по открытой платформе,

но спрыгнуть не решается. Подымается дикий хохот. Поезд все больше и больше увеличивает скорость и уходит на следующую станцию, увозя с собою жалкого Шапиро. Деражневцы у этой насыпи смогли наглядно убедиться, насколько трудно будет приспособиться к новой жизни. Но жизнь была сильнее местечковых привычек и навыков; уже через 4 года у этой же насыпи местечковые жители принимали деятельное участие в разоружении оккупантов-австрийцев. За годы войны они многому научились.

•

Вот мы подъехали к Деражне. Я быстро собрал свой саквояжик и вышел из вагона.

Деражненский вокзал ничем не отличается от многих сотен железнодорожных станций СССР.

С первого же взгляда можно убедиться, что разрушенный во время войны и революции вокзал почти полностью восстановлен.

Деражненский вокзал раньше представлял собою биржу, клуб, а также место для гуляния молодежи, как и все вокзалы при местечках и маленьких городках. Даже летом, когда вся торговая жизнь местечка замирала, большинство деражненских обывателей по привычке или от безделия аккуратно собиралось к приходу поезда у вокзала. Особенно оживлялся привокзальный подъезд к приходу почтового поезда. Извозчики местные и окружающих Деражню местечек вечно воевали из-за места стоянки. Часто требовалось вмешательство жандарма.

Ясно помню прекрасный экипаж единственного русского извозчика Черкасского. Он всегда стоял у самого подъезда и лишь в редких случаях уступал это место какой-нибудь тройке богатого помещика.

За экипажем Черкасского, по установившейся традиции, выстраивались фаэтоны меджибожских извозчиков. Меджибожские извозчики пользовались дурной славой. У каждого за голенищем всегда можно было найти финку. Обдурить пассажира, выманить самым наглым образом лишние 50 коп., просто высмеять какого-нибудь «фраера» — на это они были большие мастера. Их все боялись. Даже жандармы считали необходимым с ними дружить.

По одежде, по говору меджибожские извозчики сильно отличались от других извозчиков-евреев.

За меджибожскими извозчиками останавливались повозки различных типов, в том числе типичные «буды» типичных еврейских «балагул».

Извозчики набрасывались с бранью и дикими криками на пассажиров и самым бесцеремонным образом делили между собой добычу.

Пассажиру оставалось только хладнокровно ждать конца торга и сесть на указанное место. Часто дело доходило до побоищ, причем в таких случаях нередко страдали и пассажиры.

Постепенно, уже в первые годы империалистической войны, число профессионалов извозчиков стало уменьшаться. Лошади забирались в армию, часть извозчиков была мобилизована. Уменьшился также приток пассажиров. А в 1917 и 1918 гг. извозчики перестали ездить к вокзалу, продали фаэтоны и брички и начали разъезжать на простых подводах в различные города за товарами. Некоторые смельчаки добирались до Одессы, Киева, Львова и т. д.

Что я увидел теперь? Ни на платформе, ни у подъезда не было видно (как и в Жмеринке) характерных деражненских завсегдатаев вокзала.

У подъезда, как и в залах вокзала, была абсолютная

тишина. За воротами подъезда стояла крестьянская подвода. На возу храпел крестьянин.

Местечко спало.

Мне не хотелось будить своих знакомых, и я решил пройтись по местечку, осмотреть знакомые мне улицы. Привокзальная улица, лучшая улица Деражни, вся утопала в зелени. Внешне она почти что не изменилась. Можно только заметить, что мостовая за эти годы еще больше износилась, зато появились уличные электрические фонари.

Вот дом с надписью «Деражненский рабочий клуб». Интересно. Ведь в этом доме жил когда-то первый богач местечка. Каких-нибудь десять лет тому назад хозяин этого дома властвовал не только над десятками евреев-купцов, но и многие помещики находились в полной зависимости от него.

Заборы почти всюду исчезли. Кое-где остались отдельные столбы, старые калитки, показывающие, что когда-то здесь был забор.

Никогда не славилась Деражня богатыми постройками. И в лучшие довоенные годы много было в Деражне старых домов. Но сейчас с первого же взгляда видно, что за эти 10 лет вряд ли строились новые дома или производились капитальные ремонты. Много забитых фанерой окон, грязных и облупленных стен.

Почти совершенно рассвело, когда я повернул обратно. Сокращая дорогу, я пошел обратно через парк. Этот большой сад-парк принадлежал до революции хозяину местечка, помещику Рощиборовскому. Парк находится в центре местечка, но до революции он был совершенно закрыт для жителей местечка и окружных деревень.

Парк открыли для общего пользования в 1917 г. Уже тогда кирпичная ограда была разобрана местными жи-

телями на постройки, и сад постепенно начал уничтожаться. Теперь парк окружен небольшим деревянным забором. Почти все старые столетние деревья сохранились. Видно кто-то заботится о порядке в парке. Даже старый, полуразрушенный дом-«дворец» приводится в порядок.

Было совсем светло, когда я вошел в дом моих знакомых.

Глава II.

ДЕРАЖНЯ И ЕЕ ТОРГОВЛЯ.

Небольшой мостик разделяет Деражню на две неравные части — по одну сторону привокзальная улица, по другую — остальная часть местечка.

Привокзальная резко отличается от остального местечка. Эта улица отстроилась лишь 40—50 лет тому назад тогда, когда была проведена через Деражню железная дорога. Небольшие, но удобные домики, чистые огороженные дворики, небольшие цветники и садики— все это придавало привокзальной улице вид дачной местности. За мостиком типичное еврейское местечко. Кривые, грязные улицы и улички заполнены старыми покосившимися домишками. Всюду грязь и запустение. На привокзальной и в самом местечке жили и живут до сих пор большею частью евреи [1], но жители привокзальной по своим привычкам, по общему культурному уровню резко отличались от жителей остального местечка.

Основная причина такого резкого отличия привокзальной от остального местечка объясняется тем, что привокзальная жила за счет торговли с «внешним» миром; вокзал, желдорога экономически тесно связывали жителей привокзальной со многими городами России, даже с некоторыми крупными торговыми городами Австрии и Германии. Местечковые же главным образом были посредниками между оптовым торговцем привокзальной и окружающим крестьянским населением. До империалистической войны на привокзаль-

[1] В Деражне 4 082 жителя, из них 3 735 евреев—92%.

ной почти не было кустарей, ремесленников; не было (вернее было очень мало) мануфактурных, бакалейных и т. п. торговых заведений. Привокзальная ни в какие торговые сделки с отдельными мелкими крестьянскими хозяйствами не вступала. Торговля и обслуживание продуктами городского производства окружающих крестьянских селений находились исключительно в руках местечковых лавочников, торговцев и кустарей.

Привокзальная занималась главным образом оптовой торговлей хлебом и фруктами, маклерством и комиссионерством. Не менее 25% всех местечковых семей Деражни занимались торговлей хлебом и фруктами.

До империалистической войны деражненская ж.-д. станция пропускала 1 500—1 600 вагонов хлеба за один сезон. Этот хлеб (рожь) большей частью отправлялся за границу (в Германию). Деражненских довоенных торговцев-хлебников можно было распределять по следующим группам: 1. Оптовые купцы и инкассаторы. 2. Мелкие торговцы. 3. Мельники и продавцы муки. 4. Комиссионеры и маклера. 5. Приказчики, довер. лица и т. д.

Весь хлеб, собираемый купцами Деражни, распределялся следующим образом: а) 1 100—1 200 вагонов закупались у помещиков («Экономический хлеб») оптовыми купцами; б) 300—400 вагонов у крестьян—мелкими местечковыми торговцами.

В летние месяцы, когда урожай лишь намечался, оптовики разъезжали по всему округу и закупали у помещиков будущий урожай. Большинство помещиков деражненского района продавали по 30—40 вагонов экспортного хлеба. Были в деражненском районе один-два помещика, продававшие гораздо больше хлеба. Так например помещик Скибеневский ежегодно продавал 100—120 вагонов экспортного хлеба.

Деражненские оптовики были прекрасно осведомлены о задолженности помещиков, о сроках платежа и т. д. Этим они часто весьма умело пользовались. Урожай закупался у помещика еще летом, и осенью оставалось лишь послать доверенного человека для приемки хлеба. Как только появлялся на деражненской железнодорожной станции первый «экономический» хлеб, из Подволочиска (Австрия), а также из крупных украинских городов (Одесса, Киев) наезжали купцы-хлеботорговцы. Хлеб продавался по определенным стандартам; редко приезжие хлеботорговцы осматривали хлеб; большей частью покупали по образцам. Часто деражненские оптовики отправляли за границу непроданный хлеб за свой риск. До войны деражненские оптовики-хлебники были хорошо осведомлены о биржевых ценах в Кенигсберге, Гамбурге и т. д.

Взаимоотношения между мелкими хлеботорговцами и крестьянами были куда сложнее. Раньше всего торг велся заведомо нечестно как со стороны торговца, так и со стороны крестьянина. Крестьянин, как правило, засаривал хлеб всякой дрянью перед тем как привезти его на рынок. Торговец конечно видел, что хлеб некондиционный, но это его меньше всего пугало. Ему главное необходимо было отвлечь крестьянина от конкурентов и снести мешки с хлебом в свой амбар-лавчонку. Тогда лишь предстояла самая серьезная операция: необходимо было взвесить хлеб. К этой части сделки готовились обе стороны. Но чаще всего выигрывал торговец. До войны десятичные весы были для большинства крестьян делом весьма темным. Надуть крестьянина было нетрудно. И в последней части сделки — в денежном расчете — часто оставался обойденным крестьянин. Все же можно было насчитать десятки и сотни крестьянских семей, которые в течение

довольно продолжительного времени продавали весь свой урожай одному и тому же деражненскому торговцу, причем каждая отдельная сделка проводилась с большими предосторожностями. Обе стороны слишком хорошо знали друг друга. Такая форма торговли считалась нормальной как крестьянином, так и торговцем-евреем.

Крестьянский хлеб перед тем как попасть в вагон еще обрабатывался мелким хлеботорговцем. Обработка была довольно-таки несложная: весь хлеб перемешивался, часто торговец и от себя прибавлял еще определенное количество сорных трав.

Понятно, что эти 300—400 вагонов крестьянского хлеба за границей продавались на много дешевле «экономического» (помещичьего) хлеба. Так долгие годы торговали хлебники Деражни.

Безбедно, даже зажиточно жила только верхняя (оптовые купцы и инкассаторы), весьма небольшая группа. Большая же часть хлебников зависела от урожая, от цен на хлеб, от того, насколько знаком крестьянин с десятичными мерами весов, от многих и многих мелких причин.

В первый же месяц империалистической войны, когда австрийская граница закрылась и нормальное ж.-д. движение было нарушено, вся группа хлебников была выбита из «нормальной» жизни. Лишь в 1915—1916 гг. началась отправка хлеба на север России. Хлеб продавался уже при других условиях: качество не играло никакой роли. Нужда в хлебе была колоссальная, и уже в 1917 г. и начале 1918 г. *хлеб отправлялся в столицы большой скоростью*. Отправка большой скоростью, а иногда даже багажем, хлебных грузов может служить достаточной характеристикой состояния хлебного рынка в те годы. О нормальных условиях купли и продажи хлеба не приходилось говорить. Спе-

куляция развивалась все больше и больше. Бывали случаи, когда от продажи одного вагона хлеба торговец богател или разорялся. Старые купцы уже тогда отошли от хлебной торговли. В 1918—1921 гг., когда дережинский район был охвачен гражданской войной, когда ж.-д. движение почти полностью было приостановлено,— нельзя было заниматься даже спекулятивной торговлей хлебом.

Лишь в 1923—1925 гг. хлебная торговля вновь ожила, но и тогда оживление было чисто спекулятивное. В Ленинграде [1] отправлялась главным образом мука. Расходы по транспортировке были очень большие, и поэтому часто при большом завозе один вагон муки вконец разорял торговца. В эти годы (1923—1925) сильно нажились отдельные лица на конкуренции отдельных госзаготовителей. Вакханалия накидок, приманок и т. д. нашла себе прекрасную почву в Дережне, где было столько хлебников не у дел.

Очень часто группка дережинских хлебников кормилась довольно основательно за счет ошибок государственного и кооперативного хлебозаготовительного аппарата. Часто старые хлебники выдвигались на весьма ответственные должности по хлебному делу. «Вот было дело,—со злой иронией рассказывает мне старый оптовик,—когда Хлебопродукт воевал с кооперацией, Госбанком и т. д. Во-первых служащие. Все служат, получают приличное жалование и кроме того...»—оптовик не закончил свою мысль. У всех на лицах появляются улыбки. «Тоже торговцы!»—говорит презрительно один из окружающих меня хлебников. История за историей рассказываются мне с особым смакованием о всех хитрых обходах, о том, как в первые годы нэпа безобразно не-

[1] Более 1 280,4 километров от Дережни.

лась госзаготовка, как вклинивался частник, как он наживался за счет неумения госаппарата торговать.

А теперь?

На мой вопрос я некоторое время не мог получить членораздельного ответа.

«Эт!..»—махнул рукой старый хлебник Спивак,—теперь не о чем говорить. «Согласительные цены», «экономическое регулирование»—вам эти «словечки» наверное хорошо известны, а мы, некультурные местечковые евреи, тоже понимаем, что это за птица. Увидим, увидим, что получится у вас от экономического регулирования. Пока что я могу только сказать следующее:

Знаете ли вы, сколько вагонов хлеба было заготовлено в этом году? И кто, кто, я вас спрашиваю, заготавливает хлеб? Ха-ха-ха! Комборбез — слыхали ли вы, что это за торговая организация? А заготовили-то они вместе с райсоюзом 17 вагонов. Вместо 1 500 вагонов «мирного» времени — заготовили 17 вагонов!»

Эффект от этих слов получился поразительный. Языки развязались. Вся группа в 10—12 человек снова сильно возбуждается; начался общий разговор. Слышно только: «72 коп.», «лучше свиньям», «картофель» и т. д.

Заготовлено 17 вагонов хлеба вместо 1 500 вагонов. Это факт. На другой, еще более крупной станции этого же района, где до войны заготовлялось до 3 000 вагонов, в этом году заготовили даже меньше, чем в Дераж не. Это подтвердили и работники ж.-д. станции, райсоюза и т. д.

Почему?

«Вы спрашиваете, где причина такой слабой заготовки хлеба. Смешной вы человек. Где причина? Скажем, помещичьего хлеба нет, Скабиевского вы же сожгли, но где 300—400 вагонов крестьянского хлеба? Вот попробуйте ответить на этот вопросик!»

В действительности за последние годы в этом районе урожай хлебов был не ниже среднего. Между тем всеми торгующими организациями заготовлялось в течение сезона не более 20 вагонов. И в прошлом году при среднем урожае заготовлено было не более этого. Может быть частник снимает весь хлеб? Оказывается, что в действительности частником снято за этот сезон до 50 вагонов хлеба. Но это чистая случайность.

Почему частник заготовил больше кооперации и госторговли и куда этот хлеб исчезает? Ведь железная дорога не принимает частные хлебные грузы. На этот вопрос я получил довольно откровенный ответ от одного торговца-хлебника.

Оказывается, частник платит за рожь (основной хлеб) 1 р. 20 к.—1 р. 30 к., а согласительная цена — 72 коп. Частник платит почти в два раза больше потому, что хлеб вывозится из Держни п о д в о д а м и в Могилев-Под., Бар. и т. д. В Приднестровьи в некоторых районах в прошлом году был неурожай, и разница в цене между Держней и Могилевом была 50—70 коп. на 16 кг.[1]. Два довольно близких района (60—80 км) и такая разница в цене! Держненский район таким образом дал за 1926/27 г. не более 70 в а г о н о в х л е б а, т.-е. лишь около 5% довоенного времени.

Я не могу здесь подробно останавливаться на вопросе о том, почему район выбрасывает так мало хлеба, это не входит в мою задачу, все же вкратце укажу на следующее:

1. Крестьянские хозяйства Держненского района, получившие помещичьи земли, не могут еще в силу це-

---

[1] В дни, когда Англия разорвала дипломатические сношения с СССР, цены на рожь поднялись за один день на 15 коп., но все-же в эти дни крестьяне не приостановили подвоз хлеба.

лого ряда причин дать экспортный хлеб. Земля не пустует. Вся земельная площадь обработана, но урожай в среднем значительно ниже довоенных урожаев. Качество хлеба также невысокое.

2. Само крестьянство начало потреблять неизмеримо больше хлеба, чем до войны. Это подтверждают все земработники района, а также сами крестьяне.

3. Согласительные цены (72 коп. 16 кг. ржи) не удовлетворяют крестьян, продающих хлеб, и поэтому много хлеба (некоторые мне говорили, что у отдельных крестьян имеется трехлетний урожай) остается невывезенным.

4. Увеличились в невиданных для Деражненского района размерах посевы картофеля, трав и т. д.

5. За последние 4—5 лет весьма сильно развилось свиноводство.

Вот основные причины отсутствия товарного хлеба в районе. Все же можно предполагать, что постепенно приток товарного хлеба увеличится.

Насколько цены могут влиять на развитие той или иной с.-х. культуры, можно видеть хотя бы по следующему факту. Картофель может вывозить железной дорогой и частник. В 1926—1927 гг. было вывезено из Деражни по 400—500 вагонов картофеля за сезон, в то время когда до войны Деражненская станция, даже в лучшие урожайные годы, не пропускала более 50 ваг. картофеля. Объясняется это тем, что цены на картофель установились в 35—40 к., т.-е. за 16 кг. ржи можно получить всего 32 кг. картофеля, а до войны отношение между рожью и картофелем в этом районе было 1 : 6.

То же самое можно сказать и о свиноводстве. В районе свиноводство развивается быстрейшим тем-

пом. Уже в 1926 году было вывезено до 100 вагонов свиней, на м н о г о б о л ь ш е, ч е м д о в о й н ы.

Интересно отметить, что, хотя покупателями картофеля были главным образом кооперативные организации рабочих районов (Донбасса и т. д.), все же посредники (2—3 чел.) нажили на этой операции не менее 10 тысяч рублей [1].

В Деражне можно наглядно убедиться, насколько самый совершенный план требует еще детализации и усовершенствований.

Непродуманность планов до конца часто сильно вредит всей работе государственных заготовителей. В заготовке зерновых культур была сделана крупная ошибка, сильно мешающая заготовителям. В Деражненском районе, как и во всей Подолии, продажа муки и печеного хлеба полностью находится в руках частника, и поэтому между двумя близлежащими районами колоссальная разница в цене на 16 кг. хлеба. Можно себе представить, как влияет такой разнобой в ценах на крестьян.

Как бы то ни было, за исключением 20—25 семей, скупивших в этом году около 50 вагонов хлеба (вместо 1 500 вагонов до войны), вся остальная масса хлебников Деражни осталась не у дел и совершенно разуверилась в возможности восстановления былой торговли.

Потомственные торговцы раньше с иронией и презрением смотрели на первые неуклюжие шаги государственных торговых агентов. Но сейчас эти агенты научились лучше торговать.

«Конечно, — со злобой говорит хлебник, — так торговать сумеет и шамес [2]. Дайте ему монопольное

---

[1] „Вы видите этот ремонтирующийся домик? Это за счет картофельных прибылей",—сказал мне один из местных работников.

[2] Служка синагоги.

право вывоза, выдайте ему авансов, сколько ему заблагорассудится, и он тоже станет купцом».

Эта безработная часть местечка является довольно вредным «агитпропом» для всего района.

Кстати приведу следующие слова одного ремесленника: «Вы не можете себе представить, что получилось бы, если бы не было твердой политики в области цен. Они бы «начемберленили» так, что 16 кг. хлеба стоил бы не менее 3 рублей». Это мнение всего местечка.

Если в отношении хлебной торговли вопрос вполне ясен; если о хлебной торговле, как о постоянном заработке, не мечтает уже ни один хлебник Деражни, то положение фруктовщиков остается по сей день невыясненным.

Крупное садоводство в районе начало развиваться лишь за последние 25 лет. Лишь за последние годы до войны, когда в некоторых селах помещики и крестьяне начали получать арендную плату за один урожай по 500—1 000 рублей, садоводству начали уделять большее внимание.

Осенью весь деражненский вокзал, вся платформа, склады и складские помещения частных лиц бывали заполнены фруктами. До войны через деражненскую ж.-д. станцию в годы средней урожайности отправлялось до 200 вагонов яблок и 5—6 тысяч тонн сушеных слив в бочках.

Весь этот груз отправлялся главным образом в Донбасс и большие города Украины (Харьков, Киев и т. д.).

Система закупок и продажи фруктов была во много раз сложнее, чем при покупке и продаже хлеба. Основная масса фруктов покупалась у крестьянства. Весь процесс посредничества между крестьянином-садоводом и покупателем-торговцем большого города был весьма дифференцирован. Вот основные виды торговли фруктами в Деражненском районе:

1) арендаторы-садовники, 2) торговцы сушеными фруктами, 3) приказчики, маклера, 4) комиссионеры, 5) оптовики, складчики, инкассаторы.

Сейчас же после Троицы, как только можно было предположительно установить будущий урожай, арендаторы закупали у крестьян урожай фруктов [1], комиссионеры же отправлялись в Донбасс и другие крупные города Украины и там предлагали фрукты будущего урожая.

Торговые фирмы с большой неохотой соглашались на заключение сделок на будущий урожай, но настойчивость, льготы и т. д. давали возможность держненским комиссионерам еще летом размещать до 40% всего урожая фруктов.

Как арендаторам, так и комиссионерам необходимы были деньги, между тем большинство этих торговцев еле сводило концы с концами. Тут на сцену появлялся оптовик-инкассатор. Фактически большинство фруктовщиков работало на оптовика. Проценты за одолженные деньги взимались бешеные; так, за выдачу под дубликат ссуды взималось до 30% годовых, кроме того в скрытой форме приходилось уплачивать тому же оптовику (складские, комиссионные и т. п.) большую долю заработков.

Большая часть маклеров (фруктовщиков и хлебников) жила весьма бедно. Точно установить, где кончается маклерство и начинается вымогательство, попрошайничество — было очень трудно. Вербовалась эта группа из «бывших» людей, прогоревших арендаторов, комиссионеров и т. п.

Империалистическая и гражданская войны, военный коммунизма и первые годы нэпа не так сильно отрази-

---

[1] Арендатором закупалось не менее 30% урожая.

лись на этой отрасли торговли, как на хлебной торговле. Позиции частника на фруктовом рынке оказались более прочными.

Вот как прошла реализация урожаев фруктов в Деражне за последние 2 года.

В 1925 г. урожай фруктов по Деражненскому району был очень хороший. Уже в июне м-це начали съезжаться в Деражню представители различных госорганов. Приехали представители Госбанка, Госторга, а также различных кооперативных организаций. Приехали из Нижнего, Москвы, Саратова и даже Иркутска. Все эти госзаготовители, представители которых в большинстве своем профаны в фруктовой торговле, привезли с собою для заготовок достаточное количество денег. Почва для спекуляции в Деражне самая благоприятная: фруктовщиков, жаждущих «работы», имеется много. Началась вакханалия: Госбанк конкурировал с Госторгом, кооперативы грызлись между собою, и цены повышались с каждым часом. Реализация урожая началась с 8—9 рублей за 16 кг. слив—небывалой даже для послереволюционного периода цены. При той бешеной спекуляции, какая существовала на фруктовом рынке, никто не обращал внимания на качество товара. Можно было ожидать, что местные торговцы наживутся на этой спекулятивной горячке. Оказалось же, что столь испытанный деражненский обыватель позорно увлекся этой игрой и весь свой капитал вложил в закупку за личный счет фруктов. Между тем уже к январю наметился перелом. Цены начали падать так же быстро, как раньше подымались. Фрукты стали продаваться различными «представителями» на месте, в Деражне. Старые представители были отозваны, была выслана новая партия представителей — партия «ликвидаторов». Ликвидаторы взялись за дело весьма горячо, и нужно

отдать им справедливость: само дело требовало быстрой ликвидации. Фрукты, плохо высушенные, портились еще на складах Деражни, нужны были энергичные меры, чтобы ликвидировать весь этот «бум».

16 кг. сливы к концу сезона расценивался в 2 рубля. Можно себе представить те убытки, которые понесли госучреждения и кооперация. Деражненцы считают, что эти учреждения в 1925 г. на фруктах в одной Деражне просадили несколько сот тысяч рублей, но больше всех пострадали сами деражненцы.

«Конечно, — говорит мне Зильберштейн, — один из старейших комиссионеров, — «им»-то ничего. Закопали несколько вагонов вишен, выбросили на свалку несколько вагонов слив — Госбанк выдержит, а наш «госбанк» лопнул: слишком тонкая кишка».

В 1926 году только местный райсоюз и «Сухофрукт» имели своих представителей на рынке. Если в 1925 г. госторговля и кооперация сняли до 70% урожая фруктов, то уже в 1926 г. вряд ли они охватили 30% всех закупок. Остальной урожай был реализован частником. Цены установились в начале реализации урожая в 3 р. 50 к. 16 кг. и к концу урожая не превышали 5 руб. 16 кг. Таким образом большая часть фруктовщиков при реализации урожая 1926 г. хорошо заработала. Сильно пострадали лишь арендаторы-садоводы из-за плохого урожая.

Мне уже пришлось присутствовать при описи имущества арендаторов за невзнос «оборотных». Обороты были солидные, но убыточные. Платить же приходится 2—2½% с оборота, безразлично—прибыльно или убыточно дело.

Здесь уместно будет несколько подробно рассказать о маленькой, но очень влиятельной группе местечка—об инкассаторах, проще говоря—о ростовщиках. До войны

несколько семей ростовщиков забирали львиную часть прибыли всей торговой части Деражни. Капиталы этой кучки умножались весьма быстро. 20—25% годовых, получаемых различными комбинированными способами, не было исключением. Во время гражданской войны эта группа была уничтожена, капиталы исчезли, и лишь за последние годы появились новые лица, имеющие несравненно меньшие капиталов, но зато весьма быстро умножающие их.

Численно группа ростовщиков даже увеличилась. Я насчитал в Деражне не менее 15 семей, живущих исключительно за счет отдачи денег в рост. Проценты, взимаемые ростовщиками, неимоверны. Мне достоверно стало известно, что при приличном (весьма приличном) обеспечении приходится платить 2½—3 коп. в день за червонец [1]. Интересен здесь следующий факт: из нескольких десятков жителей Деражни, с которыми мне приходилось беседовать на эту тему, ни один не указал общепринятый процент за год и за 100 рублей. Расчет ведется п о д н я м и за 10 р у б л е й: настолько измельчала торговля в Деражне.

«Имея 100 червонцев, вы можете жить в Деражне, как когда-то жил граф Потоцкий»,—говорит мне с улыбкой бывший богач Мардер, теперь умирающий с голоду старик. За возврат ссуды, оказывается, можно быть теперь спокойнее, чем до войны. Деньги выдаются только под солидное обеспечение. Так, напр., под дубликат на фрукты стоимостью в 500 рублей выдается не более 250—300 рублей, и за это берут до 3 коп. в день за 10 рублей», т.-е. б о л е е 100% в г о д.

Вот краткая биография самого крупного богача-ростовщика в Деражне. До 1912 года он был приказ-

[1] Такие проценты платят торговцы, а сколько платит просто нуждающийся в деньгах житель?

чиком, с 1912 года он начал инкассировать наложенные платежи. В годы войны он спекулировал на валюте. В течение 1—2 лет он составил большое состояние. В годы гражданской войны он сумел сохранить небольшую часть своих денег; большую же часть денег он потерял в различных обесцененных бумагах (керенки, николаевские, австрийские марки и т. п.). Теперь он снова играет крупную роль. Налогов он уплатил за 1926/27 г. 2 500 руб. Годовой заработок его в 1926/27 г. составляет 7 000 руб. [1].

Основная группа жителей «привокзальной» (хлебники и фруктовщики), как мы видим, находится в весьма тяжелых условиях. Бывшие оптовики, мельники, комиссионеры, приказчики, маклера и т. д. находятся не у дел. Хлебники при этом даже не мечтают о возврате старого, ибо для них уже ясно, что политика советской власти в отношении хлебной торговли не будет изменена.

Остальная часть жителей местечка, занимающаяся главным образом торговлей продуктами фабричного производства, также находится в незавидном положении.

Мой приезд совпал с периодом кампании по снижению цен. Уже при беглом знакомстве с торговой частью местечка я убедился, что частник лежит обессиленный и разбитый кооперацией. Лавочник Деражни еще дышал, но это было уже искусственное дыхание.

Установить довоенные капиталы и обороты торговых заведений Деражни не представляется возможным. Я взял, как некоторый показатель мощности заведения, число приказчиков.

Оказывается, что в продаже продуктов фабричного производства в Деражне работало у частных торговцев до 30 приказчиков. Нужно иметь в виду, что в еврей-

---

[1] По данным фининспектора.

ском местечке приказчик принимался лишь при острой нужде, когда не было или мало было своих членов семьи.

До войны в Деражне (главным образом в самом местечке) было до 30 мануфактурных магазинов, 3 оптовых склада, торговавших солью, керосином, 3 больших оптовых бакалейных магазина, 2 лесных склада и несколько десятков мелких бакалейных и других магазинов.

В годы империалистической войны еврей-торговец «богател», но магазины становились худосочными. Уже к революции магазины были полуопустошены, а торговля носила явно спекулятивный характер. Крестьянин приезжал в Деражню за товарами, убеждался в том, что цены растут неимоверно и что товаров становится все меньше. Первопричиною дороговизны и уменьшения количества товаров крестьянин считал местечковых торговцев. Отношения между крестьянством и местечковыми торговцами становились напряженными. Годы военного коммунизма вогнали всю торговлю Деражни в подполье. Торговля была, но она приняла чисто фантастические формы.

Вот что мне рассказал один бывший торговец.

До войны он долгие годы продавал соль. Когда в 1919 г. во всем районе не было соли и его семья погибала от голода, он случайно нашел несколько рассыпанных зерен соли на земляном полу амбара. Тогда он перекопал весь амбар и просеял всю землю. Таким образом он отобрал некоторое количество соли, что дало ему возможность прожить безбедно несколько месяцев.

В начале нэпа снова расцвела в местечке спекуляция. Конкурентом частника на рынке была кооперации. Началась борьба против нее. План этой борьбы был до-

вольно сложен. Кооперацию в течение ряда лет старались взорвать изнутри.

Можно считать, что дераженская кооперация в первые годы нэпа больше способствовала восстановлению частных торговцев, чем обслуживала кооперированную массу.

Правление кооператива настолько тесно было связано с частным рынком, что трудно было отличить кооперацию от частника.

«Бывало, — рассказывали местные жители, — привозила кооперация несколько кусков мануфактуры, тогда кооператив закрывался, и магазины кооператива собирались все мануфактуристы-частники, и товар распределялся между ними по «справедливости».

В 1926 году всем этим безобразиям был положен конец. Руководители кооперации сели на скамью подсудимых; главные участники получили по 2—3 года ДОПР'а, остальные были осуждены условно. Фактически 1926 год можно считать первым годом, когда в Дераже начала работать кооперация, когда частник почувствовал, что почва из-под его ног вышибается.

Каково же положение дераженских торговцев в настоящее время? На этот вопрос весьма обстоятельно рассказал мне председатель рабселькоопа, молодой парень тов. Прокофьев.

Если до войны в Дераже было не менее 30 мануфактуристов, то в настоящее время в Дераже остался всего 1 частный мануфактурный магазин, который также накануне краха. Мануфактурный рынок, самый существенный рынок в крестьянском районе, находится исключительно в руках кооперации. В Дераже мануфактурой торгует не только местный рабселькооп, но и 2—3 крупных сельских кооператива. На ярмарку при-

возят на подводах мануфактуру сельские кооперативы и продают ее прямо с воза.

Так же, как и мануфактуристы, исчезли оптовики-бакалейщики, когда-то первогильдейские купцы. Оптовая торговля керосином, солью, лесом и т. д. находится полностью в руках отделения райсоюза и «Господарспілки». Некоторые из оптовиков перешли на розницу, причем и сама розница сильно измельчала.

Я обходил все бакалейные магазины, детально знакомился с оборотами отдельных бакалейщиков. За исключением двух бакалейных магазинов все остальные «магазины» представляют собою небольшую деревянную будочку или просто жилую комнату. Меблировка — две, а иногда три деревянных полочки. Вот типичный магазин Гладштейна. Этот Гладштейн до войны имел лучший розничный магазин. Теперь он добродушно показывает на полупустые полочки узкого ящика — «магазина». После детального совместного подсчета мы оценили весь наличный товар в 100 рублей. На 90% товары им закупаются в кооперации (райсоюзе). Каково же было мое удивление, когда другой лавочник, Левман, мне рассказал, что часть «товаров» он закупает в райсоюзе, а другую часть у Гладштейна. Оказывается, Гладштейн — современный деражненский полуоптовик.

Необходимо, хотя бы вкратце, описать магазин Левмана, покупающего у Гладштейна. Раньше всего это «универсальный» магазин. Тут можно встретить буквально все, только в очень ограниченном количестве. Если бы не исхудалое лицо торговца и его серьезное отношение к делу, можно было бы принять этот «магазин» за злой шарж на магазин, за игру детей в универмаг. Я попробую перечислить номенклатуру товаров этого магазина: соль, сельдь, керосин, деготь, сахар (в жестяной коробке из-под конфект), рюмки, горелки, бумага

тонкая проволока (метров 12—15), замазка для окон и много других предметов. Кроме того в этом магазине продаются ... иконы. Религиозный еврей продает по 40—50 коп. различных святых.

Когда я оценил весь этот товар Левмана в 50 рублей, торговец обиделся. «Вы не смотрите, что в магазине полки пустые (весь «магазин» можно уложить в небольшую корзинку), тут не меньше, чем на 75 рублей товару».

Пришлось поверить ему. В среднем, по его словам, он наторговывает от 5 до 8 рублей в день. Торговец стал жаловаться, что ему приходится выплачивать разных налогов 152 руб. за год. Я потом проверил, и это оказалось правдой.

Большинство бакалейных товаров, продаваемых в описанных «магазинах», имеется в достаточном количестве в кооперативных лавках. Конкурировать с кооперацией нет почти никакой возможности. Некоторые мелкие лавочки закупают весь свой «товар» у кооперации, причем кооперация продает им дешевле, чем отдельным покупателям, на 3—5%.

Все же бакалейных «магазинов» почти столько же, сколько до войны. «Вас удивляет, почему нас столько,— говорит бакалейщик, а что же нам делать? Я не бросаю торговли только для того, чтобы была какая-нибудь работа. Я ведь к торговле привык — десятки лет торгую».

Появилось большое число «буфетов» — небольших магазинчиков, продающих воду, конфекты и т. д. Возможность существования таких заведений объясняется, повидимому, лишь ничтожными потребностями продавцов.

В весьма плачевном состоянии находятся также бывшие деражненские мясники (я говорю — бывшие, так

как теперь в Дераж не 1—2 частных мясных, влачащих жалкое существование)[1]. Кооперативный мясной магазин, а также необходимость сдачи кож по установленным ценам райсоюзу окончательно выбили из колеи торговцев-мясников.

Не в лучшем состоянии находятся галантерейные и кожевенные лотки. Галантерейных магазинов только один. Владелец этого магазина уплачивает 100 рублей в месяц различных налогов, между тем... «Вот, пожалуйста, посмотрите мою торговлю, посмотрите на эти пустые полки, можно ли взимать 100 рублей в месяц налога?» До войны, когда этот магазин был действительно переполнен товарами, владелец магазина платил всего 92 руб. налогу.

Кооперация побеждает, кооперация фактически победила. Дераженский рабселькоop имеет следующие магазины:

Мануфактурно-галантерейные	2
железно-скобяные	1
бакалейные	3
мясные	2
Итого	8

Кроме того имеются склады (лесные, с.-х. машин и т. д.) райсоюза, с.-х. кооперации и т. д.

На моих глазах, во время моего пребывания в Дераже, у частников постепенно закрывались магазин за магазином. Вот магазин Розенфельда; три месяца тому назад это был крупнейший магазин (в масштабе дераженской действительности). Кооператор, работающий на привокзальной, жаловался на этого конкурента. Казалось, что Розенфельд непобедим, но за последние

[1] До войны в Дераже было около 20 мясных лавок, причем большинство мясников прилично зарабатывало.

три месяца положение сильно изменилось. Магазин еще не закрылся, но уже теперь ясно, что дни его сочтены: товаров становится все меньше, покупатели обходят этот магазин и идут в кооператив. Розенфельд все время стоит у магазина и злословит. Ему ничего больше не осталось делать.

Наряду с крупными успехами в развитии кооперации можно указать и на довольно серьезные недостатки. Я не буду говорить о кооперативном просвещении. В Деражне кооперативному просвещению пока что не уделяется никакого внимания. Не буду говорить также о массовой работе среди кооперированного населения, о привлечении этих масс к активной работе в кооперации. Дераженский кооператив — совершенно оторванное от своих членов учреждение. Даже о «дне кооперации» велись только разговоры в узком кругу «головки» кооперации.

Но я должен остановиться на целом ряде болезненных явлений в оперативной работе кооператива.

Дераженские кооператоры стремились обогащаться во что бы то ни стало, причем это обогащение часто шло вразрез со всей политикой советской власти. Дераженя, конечно, не была исключением. Дераженская кооперация весьма туго шла на снижение цен. По данным правления кооператива директива выполнена — снизили, мол, цены на 10%, но эти данные сомнительны. Уже одно то, что все дефицитные товары продавались с «нагрузкой» (иначе говоря, «принудительный ассортимент»), говорит о том, что в кооперативе не все было благополучно. Так, напр., бельевое полотно отпускалось лишь с некоторой «нагрузкой» других тканей. «Я купил себе довольно приличный костюм, но что мне делать с 30 метрами ситцу, которые я получил в «премию» от рабкоопа»... или же: «...я жестяник, выраба-

тываю и ведра, и вот при покупке 16 кг белой жести мне дают 2 ведра в нагрузку». Это обычные жалобы на кооператив. Когда прибыл вагон с эмалированной посудой, покупателям при покупке таза давали в нагрузку кружку, причем в зависимости от величины таза давали различные кружки.

Интересно следующее: когда я случайно в присутствии секретаря райпарткома указал председателю кооператива на эту ненормальность, тот довольно настойчиво отрицал подобные факты.

Мука продается в кооперативе в весьма ограниченном количестве, поэтому-то сильно развита спекуляция мукой и хлебом. За первые две недели моего пребывания в Деражне цены на муку и печеный хлеб подымались на 2½—3½ коп. на кило (в течение 2 дней) и так же стремительно падали. Такое положение сильно отражается на всей хлебной госторговле. Крестьянин вывозит хлеб лишь при сильной нужде. Вот что мне рассказывал знакомый крестьянин. В последний четверг он решил вывезти 10 центнеров ржи, так как ему говорили, что на рынке платят 10 коп. за кило. Когда он привез на рынок хлеб, ему предложили 1 р. 50 к. за 16 кг.; он решил подождать. К вечеру же цены вдруг упали и ему предложили только 1 р. 25 к. Крестьянин конечно повез хлеб обратно и... «теперь я не так скоро вывезу хлеб». Вот разговор крестьян по поводу цен на хлеб: «Дураки вывозят хлеб, вот подождите, цены подымутся до 12—13 к. кг. Все эти настроения могут быть ликвидированы лишь тогда, когда кооперация полностью охватит мучной рынок, а для этого нужно выбрасывать на рынок 2—3 вагона муки в месяц.

Для частника исчез не только местный покупатель, но и окрестное крестьянство. В Деражненском районе 26 сел, и в этих 26 селах всюду имеются ко-

оперативы. Крестьянину не приходится ездить в Дераж ню за каждой мелочью или переплачивать местному лавочнику.

Насколько кооперацией постепенно охватываются все отрасли торговли, можно судить по следующему факту. В Дераж не всегда было несколько евреев, покупавших тряпье по деревням. За последние годы число тряпичников увеличилось: в одной Дераж не занимается скупкой тряпья, костей и т. д. до 20 семей. Один из тряпичников пожаловался мне: «Даже тряпки нельзя еврею покупать». В ответ на мое недоумение он пояснил, что райсоюз предложил всем сельским кооперативам скупать тряпье, кости, железо и т. д.

Вот каково экономическое положение основной массы местечка — различных торговцев и лавочников. Две группы торговцев—хлебники и торговцы продуктами фабричного производства—на 90% ликвидировали свои дела, причем есть уже целые отрасли торговли, которые почти полностью отошли от частника к кооперации (мануфактура, мясо, оптовая торговля солью, керосином, сахаром). Только в торговле фруктами частник занимает еще крепкие позиции.

Глава III.

ДЕРАЖНЕНСКИЕ КУСТАРИ И РЕМЕСЛЕННИКИ.

Несколько слов о составе самодеятельного населения Деражни. Всего в Деражне 4 082 жителя, из них старше 18 лет 1 761 чел. (43%). Имеют какую-нибудь определенную профессию лишь 818 человек, т.-е. 20% населения или 47% жителей старше 18 лет. Они распределяются следующим образом: крестьян—3, кустарей—294, служащих—169 [1], рабочих—178, торговцев, имеющих патенты—174.

Если принять во внимание, что среди рабочих (178 чел.) абсолютное большинство составляют ученики и подростки моложе 18 лет, получающие от 3 до 10 рублей в месяц, то процент взрослого самодеятельного населения окажется еще меньше.

Как рассказывают бывшие регистраторы всесоюзной переписи населения 1926 года, самым трудным вопросом в личном листке был для деражненцев 12-й пункт — о роде занятий. «Чем занимаюсь? По правде сказать, я ничем не занимаюсь». — «Все же, вы ведь живете?» — «Можно ли это назвать жизнью?» Вот какого рода диалоги происходили во время переписи.

В Деражне имеется большая группа кустарей и ремесленников. Фактически большинство рабочих также

---

[1] Абсолютное большинство служащих не местные и не евреи. Служащие в Деражне по сравнению с остальными жителями материально прекрасно обеспечены. Даже учителю, зарабатывающему 40 руб. в месяц, все здесь завидуют.

работает у этих ремесленников. По неполным сведениям, в основных отраслях кустарной промышленности Деражни работает учеников и подмастерьев: строителей—23, шейнников—45, кожевников—6, парикмахеров—2.

Кроме того в Деражне имеется группа евреев батраков в 30 человек.

Интересно проследить также не только за тем, как живет кустарь и ремесленник, но и каковы взаимоотношения между кустарем и рабочим (чаще всего подростком), работающим у кустаря.

Ремесленники и кустари распределяются по отдельным отраслям труда следующим образом: 1) портных мужских—40, 2) модисток—40, 3) сапожников—35, 4) столяров—30, 5) кузнецов—20, 6) хлебопеков—20, 7) извозчиков (лом.)—17, 8) парикмахеров—8, 9) шапошников—9, 10) жестяников—6, 11) печников—5 и т. д.

До войны кустарь в местечке считался самым отсталым и некультурным человеком. Торговцы и прочие элементы местечка отделяли себя от кустарей китайской стеной. Бедняк маклер, умирающий с голоду, ни за что не соглашался выдавать замуж свою дочь за кустаря — он боялся запачкать таким «мезальянсом» фамильный «герб». «В моей семье портных и сапожников нет»,—вот формула «чистоты» рода. Кустари имели свои особые синагоги, своих кантором и т. д.

Резко изменилось положение кустарей после революции, когда кустарь стал задавать тон в местечке: кустарь — председсльсовета, кустарь в ЕПО, в культурно-просветительных организациях и т. д. Кустарь претендует на гегемонию, рассматривая себя как представителя рабочего класса, часто по недоразумению причисляя себя к пролетариату.

Если послушать местного торговца, то выходит, что живется хорошо только крестьянам в деревне и кустарям в местечке. «Кустарь с жиру бесится. Все права он получил, никаких налогов не платит». Конечно, положение кустарей, и частности кустарей Деражни, не столь уже блестящее.

Начнем хотя бы с портных. В настоящее время их материальное положение неудовлетворительное. За неделю в Деражню прибывает 6—8 отрезов на костюмы и пальто, а мужских портных 40. Этого одного достаточно для определения их благосостояния.

Насколько мужские портные нуждаются в работе, можно судить по тому, что цены за работы в 1927 г. были такие же, что и до войны, несмотря на то, что стоимость бюджетного набора сильно поднялась по сравнению с довоенным временем.

Не все мужские портные сидят без работы. Большинство из них работает на клиентов-крестьян. Но часть мужских портных на крестьянскую работу перейти до сих пор не хочет. «Как, — рассуждает старик Блиндер, — я всю свою жизнь шил сюртуки, а теперь мне предлагают перейти на крестьянские кафтаны? Этого мои враги не дождутся».

Перешедшие на крестьянскую работу встретились с сильным конкурентом. Бывшие мануфактуристы закрыли свои магазины и перешли на торговлю готовым платьем. В течение всего лета ими закупается крестьянская мануфактура и раздается по домам для пошивки. За пару брюк платят 20—25 коп., за зимний кафтан не более 40 коп., причем девушка, работающая на этого нового «кустаря», сама выбирает патент. Словом, в Деражне в швейном деле развилась (раздатчиков мануфактуры 8, у них работают 40 дев.) домашняя промышленность со всеми ее прелестями.

В несколько лучшем положении находятся модистки и шапочники. Неважно положение сапожников. За исключением 2—3 крупных специалистов, у которых работают по 2—3 и даже больше работников, все остальные сапожники нуждаются в работе. Объясняется это дороговизной обуви. За готовую пару ботинок местные сапожники берут от 15 до 22 рублей, за сапоги—до 35 руб. Такая высокая цена на обувь уменьшает спрос до минимума. Положение еще ухудшилось, когда привезли готовую обувь. Можно себе представить, каково было настроение сапожников, когда рабселькоop привез первую партию в 200 пар ботинок «Скороход» и начал их продавать по 10 р. 60 к. за пару!

Вопросы рационализации и индустриализации страны многих кустарей серьезно беспокоят. Некоторым кустарям пришлось познакомиться с индустриализацией в Америке, и они хорошо понимают, что бороться с машиной они не в состоянии[1].

Приведу для примера следующий случай: приходит ко мне несколько чулочников и спрашивает: «Читали вы вчерашнюю «Правду»? Как вам нравится?»

Я жду, пока они расскажут, в чем дело. Оказывается, в «Правде» описан будущий трикотажный завод-гигант, который строится в Ленинграде.

«В январе 1928 года завод открывается, — взволнованно говорит мне один из чулочников,—и мы погибнем. И так мало заказов, а когда будет пущен этот завод, что мы тогда будем делать?»

Конкурентами местечковых сапожников являются также деревенские сапожники. Теперь почти во всех селах имеются хорошие мастера, научившиеся ремеслу в армии или в плену. Кроме того на местном рынке

[1] Общественные организации Деражни не занимались разъяснением разницы между рационализацией в капиталист. странах и в СССР.

имеется более дешевая обувь различных артелей из других местечек. Невысокие цены на обувь этих артелей местные сапожники объясняют тем, что артели вырабатывают обувь из частной (не трестовской) кожи.

В общем, из 35 сапожников Деражни довольны своим положением не более 15 крупных сапожников, остальные же все время жалуются на плохие дела.

По сравнению с портными и сапожниками, по сравнению со всеми торговцами Деражни,—положение остальных кустарей, работающих на крестьянский рынок, можно считать блестящим. Столяры, каменщики, жестяники, кузнецы завалены работой и хорошо зарабатывают.

Столяры имеют много работы в связи с тем, что крестьяне строят много новых домов.

Некоторые квалифицированные столяры вырабатывают мебель. По четвергам можно встретить возвращающихся из местечка крестьян, везущих домой новые деревянные кровати, модные шкафы, столы и стулья. Часть вырабатываемой местными столярами мебели отправляется даже в Киев и Харьков.

Строители имеют также работу на постройке разных общественных зданий.

Не обходится, конечно, без жалоб. Больше всего строители-кустари и ремесленники жалуются на отсутствие строительных материалов (жесть в Деражне предмет роскоши), на «нагрузки» при покупке дефицитных товаров, а также на профсоюзы.

С профсоюзом всякий кустарь сталкивается: во-первых, при получении работы, когда профсоюз настаивает, чтобы вся работа была передана членам профсоюза, во-вторых, при заключении договора на подмастерье или ученика, поскольку профсоюзы настаивают на соблюдении советских законов о труде.

«Все хорошо, разве кто-нибудь из кустарей отрицает преимущества советской власти? Кусок хлеба зарабатывается теперь легче, чем до войны. Но зачем давать столько власти профсоюзам? Чем они лучше кустарного общества?» Такие разговоры можно слышать на всяком собрании кустарей.

На одном из собраний комсомола, когда обсуждали вопрос о будущности местечковой молодежи, выступил один из бывших кустарей, теперь работающий по найму, столяр Гольдман. Он сказал всего несколько слов о том, что «у нас теперь больше эксплоатируются ученики, чем когда-либо». Вся присутствовавшая рабочая молодежь горячо отозвалась на эту реплику. Это меня поразило. На второй день я пошел в профсоюз за разъяснениями. Там организатор молодежи согласился созвать всех учеников и подмастерьев Деражни для обсуждения этого вопроса.

Первыми были созваны столяры. Их явилось 16 человек. Все они, за исключением 2 парней, моложе 18 лет. Я задал им следующие 3 вопроса: 1) учат ли вас ремеслу, 2) сколько часов работаете и 3) сколько получаете в месяц жалованья. Парни молчали, опасаясь, чтобы хозяева не узнали про их сообщения мне. Пришлось долго агитировать, пока начались откровенные разговоры.

Вот что мне рассказали ученики.

Попасть к мастеру очень трудно, желающих очень много, поэтому хозяин подбирает учеников из среды вполне послушных, выполняющих всякие поручения парней.

Стоит хоть одним словом заикнуться об улучшении условий работы, как хозяин заявляет: «Не нравится — можешь уйти». Часто бывает, что хозяин отказывает ученику, проработавшему 1—1½ года, чтобы не платить

ему, берет нового ученика на 1—1½ года. Между кустарями-столярами прекрасная спайка. Уйти от одного столяра и перейти к другому нет никакой возможности. Поэтому ученик всеми силами старается угодить своему хозяину. В 6 часов утра, а иногда и раньше мальчик уже на месте и приступает к работе наравне с хозяином. Кончает же он работу вечером в 8—8½ часов.

С оплатой за труд дело обстоит также скверно. Из 16 парней лишь один зарабатывает 20 рублей в месяц, остальные получали от 3 до 8 рублей, причем есть и такие, которые ничего до сих пор не получили, хотя работают по 9 месяцев.

Один парнишка рассказал, что он за девять месяцев работы получил пару сандалий и пару брюк, хотя в его договоре записано, что хозяин должен ему платить по 3 р. в месяц. Плата за труд устанавливается самими кустарями; профсоюз пассивен в этом деле. Рассказывает один парень следующее: «Поработал я 1½ года, и вот мне говорят в союзе: тебе бы получать 10 рублей в месяц; тогда я решил сам попробовать счастье, и что же оказывается — я договорился за 20 рублей в месяц».

В несколько лучшем, но все же тяжелом положении находятся ученики и подмастерья — швейники. Их 40 человек. И у швейников нет 8-часового рабочего дня. У швейников сильно развито доплатное ученичество: чтобы поступить к модистке, платят ей до 50 рублей.

Можно себе представить, как эксплоатируются девушки, изготовляющие готовое платье. Униженно вымаливают они у раздатчиков работу. При таких условиях никто о сносной оплате и не говорит.

Каждому, в том числе работникам профсоюза, ячейке и т. д., известно, что эти рабочие работают за гроши, что рабочий день подростков доходит до 14 ча-

сов в сутки, но на всю эту открытую эксплоатацию смотрят, как на вполне нормальное явление.

Я лично слышал такое рассуждение одного «общественника»-кустаря:

«Не для того мы боролись в Октябре, чтобы профсоюзы нам диктовали условия труда, устанавливали 8-часовой рабочий день для учеников».

У читателя справедливо напрашивается вопрос: а где профсоюз, где остальные организации, долженствующие защищать труд подростка и рабочего? Но об этих организациях я расскажу отдельно.

Кустари имеют возможность получения кредита, что облегчает их положение. Ссудо-сбер. товарищество кустарей выдает ссуды до 250 рублей одному лицу. На 1 июля 1927 г. в этом товариществе было 13 тысяч рублей — сумма, достаточная для кредитования пайщиков. Основное несчастье этого учреждения — погоня за большими прибылями. Ссуда выдается весьма осторожно (бедняку довольно трудно получить ссуду), причем проценты за ссуженные деньги взимаются чисто ростовщические. Во время моего пребывания в Дераже взималось 30% годовых. Проценты отсчитываются при выдаче ссуды, а ссуда должна возвращаться по частям, еженедельно. Высокий процент часто разоряет кустаря, но тем не менее такие проценты считаются в Дераже нормальными[1].

*

Тяжелое материальное положение заставляет дераженцев соблюдать строжайший «режим экономии». В первую очередь дераженец отказался от нового строительства. За 10 лет во всей Дераже ни один еврей не построил нового дома, в то время

[1] Мне пришлось видеть исполнительные листы исключительно за неуплаченные проценты.

как слобода (крестьянская часть Деражни) почти заново отстроилась. Деражненская семья отказалась от отдельного домика, от отдельной квартиры. Хотя самые лучшие дома национализированы, а число жителей по сравнению с 1914 годом увеличилось, все же в Деражне весьма легко найти квартиру. За квартиру в 3 комнаты и кухню, в хорошо сохранившемся доме, берут 10—12 рублей в месяц. Обыватель отказался от домашней работницы. Вместо нескольких сотен домашних работниц до войны, теперь во всей Деражне 45 домработниц, работающих главным образом у служащих различных учреждений.

Сильное понижение жизненного уровня местечкового населения отражается, между прочим, на состоянии здоровья детей.

Санитарный врач предоставил мне списки трех школ: деражненской украинской, одной еврейской и одной сельской школы. Вот сравнительные данные по 1-й группе:

Наимен. школы.	Число обследованных детей	Из них больн.	% больных
еврейская	66	40	60
украинская	46	19	41
сельская	64	17	27

Конечно, и до войны дети сельских местностей были здоровее местечковых детей, но все же разница колоссальная. Даже между двумя местечковыми школами — еврейской и украинской—поразительная разница.

Существовал в Деражне комитет взаимопомощи, потом распался.

На пасху для закупки мацы пришлось выдать помощь 200 (!) семействам [1]. На привокзальной в этом году получили помощь перед пасхой 32 семьи, а до войны там ни одна семья не пользовалась такой помощью.

[1] Всего в Деражне 1 000 семейств.

Глава IV.

РОСТКИ НОВОЙ ДЕРАЖНИ.

Но есть довольно большая группа, которая нащупывает выход из тяжелого положения. Это пионеры новой будущей Деражни. 50—60 семей совершенно или частично порвали со всякими мечтами о торговле и перешли в самой Дераж не на интенсивное сельское хозяйство, на табаководство.

Деражненские евреи и деражненские крестьяне никогда не занимались табаководством. Табаководство в этом районе начало прививаться лишь в 1919 году. В настоящее время вблизи Деражни имеется до 60 гектаров посева табака, исключительно еврейского.

Весьма отрадно то, что плантации в абсолютном большинстве обрабатываются самими плантаторами. При срочной работе (в табаководстве без найма рабочей силы в некоторых случаях не обойтись) в большинстве нанимаются евреи батраки и батрачки. Это новая категория работников, совершенно неизвестных в еврейском местечке до войны. В среднем каждая семья обрабатывает от ½ до 1 гектара табаку.

Трудно деражненскому обывателю перейти на сельское хозяйство, в особенности на Подолии, где земли так мало, где местные крестьяне из-за безземелья переселяются в более обеспеченные землею районы. Если мы примем все эти трудности во внимание, то необходимо будет признать результаты работы табаководов весьма положительными.

Один гектар табаку может дать до 275 рублей доходу, но табаководу приходится иметь дело с перекупщиками, ростовщиками и отдавать им львиную долю своего заработка. Лишь в этом году, благодаря энергичной поддержке секретаря райпарткома, была создана артель табаководов в 40 семейств, которым сельско-хозяйственная кооперация выдала ссуду в 1 700 рублей. Конечно эта суда недостаточна даже для одной арендной платы (необходимо было всем членам артели 3 200 рублей), все же эта помощь окрылила табаководов. Теперь они уже мечтают о совместной сушилке.

Агроном, работники райисполкома и ячейка взялись дружно за укрепление этой артели. Если бы можно было выделить для нее из госфонда гектаров 30—40 (гос. земля вблизи Деражни имеется), то можно быть уверенным, что эта артель не распадется.

В Деражне, как я уже указывал, имеется 30—35 батраков, которые уже в течение 3—4 лет работают исключительно на плантациях. Каковы условия труда этой части населения Деражни? Оказалось, что табаководы все подписали коллективный договор с союзом, но... договор считают для себя необязательным. Батрак работает вместо 8 час. 10 час., получает не 65 коп., как полагается по договору, а 50—55 коп. в среднем, но не более 60 копеек в день.

Интересно то, что среди 30 батраков имеется всего 3 члена союза и 1 комсомолец и нет ни одного выборного общественного работника.

В Деражне имеется небольшая кустарная табачная фабрика, на которой работает 16 человек, причем все они считаются членами артели. Трудно установить, каковы действительные производственные отношения на этой фабрике. Даже член партии, работающий на этой фабрике в качестве контролера, не мог точно определить, имеются ли на фабрике наемные рабочие.

Несколько семей имеет по 2—3 гектара посева мака. Несколько семей устроились в одном сельскохозяйственном коллективе около Деражни.

Деражненский коллектив организовался еще в 1925 г. Всего в коллектив вошло 32 семьи. Округом этому коллективу было выделено 235 гектаров земли, прекрасный сад в 17,5 гектаров, каменоломня и небольшая мельница. Как видим, коллектив получил целое комбинированное хозяйство. Казалось бы, коллектив должен процветать, между тем мой приезд совпал с моментом, когда он окончательно распадался. К моему приезду в коллективе вместо 32 семей осталось всего 11 семейств.

С первого дня существования коллектива несчастье за несчастьем преследует его. В 1925 г. был неурожай, в 1926 г. был прекрасный урожай, сняли около 85 тонн хлеба. Хлеб свезли в амбары. В одну из осенних ночей кто-то поджег амбары, и хлеб весь сгорел. Хлеб не был застрахован.

Сейчас же после пожара большая часть семейств бросила коллектив, осталось 14 семейств. Пришлось отобрать у коллектива часть земли. Зимой 1927 года уехали еще 3 семьи, осталось всего 11 семей. Вдобавок еще коллектив доканали бесхозяйственность и растраты. За всеми членами коллектива числятся долги. В общем создалось такое отчаянное положение, что недавно сам председатель коллектива ночью перевез свою семью в местечко.

Было бы большой ошибкой обобщить этот случай с неудачным коллективом. Мы могли бы в противоположность ему указать на другой еврейский сельско-хозяйственный коллектив в 25 километрах от Деражни, считающийся примерным в районе.

Но вернемся к деражненскому коллективу. Председатель и другие члены райисполкома хорошо знали со-

стояние коллектива, между тем не принимали серьезных мер к его оздоровлению. Все просьбы коллектива о помощи работниками района всемерно поддерживались, а действительное положение коллектива замалчивалось. Объясняется это боязнью быть обвиненными в неправильном проведении национальной политики, в антисемитизме...

Несколько более удачно, но все же не вполне удачно проходит переселение из Деражни в другие места. Тяга к переселению была велика. При получении нарядов в Крым и Криворожье в течение 2—3 дней было записано до 100 семей, желающих переехать на землю.

Однако не все переселенцы сумели приспособиться к новым условиям и новым местам.

Весьма интересна следующая попытка молодежи вырваться из Деражни. Несколько молодых парней уехали в Днепропетровск искать работу на заводе им. Петровского. Устроиться им удалось лишь в Каменском на строительных работах. Остальные парни местечка, узнав о том, что несколько человек устроились, начали готовиться в путь. Создались компании по 3 и 5 человек. В первый же день моего приезда в Деражню ко мне явился молодой парнишка комсомолец, работающий на почте сельским почтальоном, и рассказал мне, что несколько товарищей решили ехать в Сталино работать шахтерами. «Я бы поехал в Нижний Тагил (!), там на заводе устроился мой товарищ, но билет туда стоит 29 рублей, у меня же и у моих товарищей по 10—15 рублей».

Я очень заинтересовался этими ребятами. В течение нескольких дней собралось 12 человек в возрасте от 18 до 25 лет, желающих ехать в Донбасс. Я сам видел, как один молодой парень продал подсвечники своей матери за 5 рублей, а остальные 5 рублей, необхо-

димые для покупки билета, собрали по местечку несколько сострадательных людей.

Перед самым отъездом получилась заминка. Начали распространяться слухи, что прибыло письмо от одного парня из Каменского, в котором он пишет, будто нельзя там работать, так как «канаты» бьют. Я разыскала письмо и нашла там такую фразу: «Здесь во время получки рабочие напиваются и ломают головы друг другу». Вот эту-то фразу лавочники истолковывали как нападение на рабочих-евреев!

После длительного раздумья 10 человек уехало в Донбасс искать работы и новой жизни, а через несколько дней получилось сообщение о том, что все парни устроились, что работают они у коксовых печей и зарабатывают до 2 р. 50 коп. в день. Сейчас же сорганизовалась новая компания в 10 человек, которая также уехала в Донбасс

Глава V.

ДЕРАЖНЕНСКИЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ.

Деражня—районный центр, и считается она «поселением городского типа». Так как сама Деражня на 90% заселена евреями, местечковый совет и суд перевели свою работу на еврейский язык.

Выборы в совет в таком местечке, как Деражня—событие из ряда вон выходящее. Прежде всего разгораются страсти вокруг вопроса о праве голоса.

«Если бы точно выполнять инструкцию ВУЦИК'а, то у нас в Деражне не имели бы права голоса 90% населения», — говорит один работник местсовета.

К последним выборам, когда комиссия начала составлять списки выборщиков, оказалось, что чуть ли не половина всех жителей Деражни не имеет права голоса. После тщательного пересмотра списка комиссия лишила права голоса 854 человека и предоставила это право 1 202 чел. Такой колоссальный процент «лишенцев» объясняется социальным составом населения местечка. В других местечках он еще выше. Конечно дело не обошлось без перегибов. Например, лишили права голоса большинство плантаторов табака за то, что «вряд ли они живут только от плантации».

Я лично наблюдал следующую сценку.

Приходит в совет еврей и просит выдать ему справку о том, что он в течение 5 лет занимается сельским хозяйством. Секретарь исполкома, а потом и председатель не считают возможным дать просимую справку,

они предлагают написать, что такой-то гражданин в течение 5 лет имеет плантации табака.

«Ведь каждый знает, что у меня всего около гектара табаку, что в течение 5 лет я и моя семья собственным трудом обрабатываем этот кусок земли, что никогда я не нанимаю, даже в самую горячую пору, людей для помощи, а вы хотите написать, что я «плантатор!» — спорил еврей.

Стоило больших усилий доказать исполкомщикам, что плантация табака — это тоже сельское хозяйство, только интенсивное сельское хозяйство.

По моим наблюдениям Дераженский совет далеко не центр местной общественности; он фактически с грехом пополам проводит лишь предписания свыше.

Создается впечатление, что местсовет по сей день лишь выполняет довольно неумело функции довоенного старосты. Заседания президиума, комиссий и пленума совета происходят довольно часто, но они никакого следа не оставляют (кроме, конечно, протоколов). Поговорят, вынесут постановления, но эти постановления редко кем выполняются.

Санитарное состояние местечка ужасно. Достаточно указать, что, за исключением привокзальной, во всем местечке нет уборных. Мусор, нечистоты и т. п. выбрасываются и выливаются прямо на улицу. Никто из жителей не слыхал о существовании санитарной комиссии, которая за полгода ни разу не собиралась. Скверно с пожарной охраной: оставшиеся от старой пожарной команды бочки и инструменты растащены.

При совете имеется одна постоянная комиссия с довольно странными функциями: «комиссия помощи общественным организациям» или, как местные остряки ее называют, комиссия по организации комиссий. Я был на отчетном заседании президиума этой комиссии. Пред-

седатель самодовольно отметил, что все намеченное в плане выполнено, за исключением организации общества МОПР, и таким образом план выполнен на 90% (организация общества МОПР им расценивается в 10% плана). В прениях по докладу секретарь комиссии заявил, что фактически выполнено не 90%, а 5%. Пленум согласился с секретарем, но в резолюции было отмечено, что, «принимая во внимание» и так дальше и тому подобное... признать работу вполне удовлетворительной». Между прочим, характерно почти для всех местных работников то, что они лишь недавно начали практическую работу. Председатель местсовета — комсомолец, 20 лет; нацмен-работник, недавно перешел из комсомола в партию, несколько месяцев тому назад окончил совпартшколу. Он совершенно не работал раньше в советских учреждениях. Даже председатель рабселькоопа, хотя и весьма успешно справляющийся с одной частью работы — с накоплением средств, все же своей молодостью мало импонирует кооперированной массе. С нацмен-работником мне пришлось познакомиться в первый же день моего приезда в Деражню. Сидел я на собрании кустарей. Председатель, открывая собрание на русском языке, начал: «Товарищи, разрешите»... но тут поднялся шум, большинство кричало: «по-еврейски!» Председатель смущенно оправдывался, но ему не давали говорить; весь зал требовал, чтобы оратор говорил на еврейском языке [1]. Во время этого шума ко мне подошел молодой человек, оказавшийся нацмен-работником Деражни. Честнейший человек, прекрасный товарищ, он уже при первом разговоре начал жаловаться на трудности, встречаемые в работе. «Когда меня выделили на эту работу, я возражал: я

[1] Местный кустарь весьма слабо знаком с русским языком.

совершенно не знаю эту работу, я очень плохо знаю еврейский язык».

Не только он сам, но и местные власти не знают в сущности, что должен делать работник по нацмену. Отсюда понятно, насколько непродуктивна работа такого нацмена.

За 1926/27 г. менялось 3 нацмен-работника. Каждый, проработав 2—3 месяца, составлял акт о передаче «дел» другому работнику и переходил на новую работу. Все «дела» нацмена — это куча разрозненных бумаг, главным образом, переписка между нацменом при райисполкоме и... райисполкомом о представлении отчетов и планов. Планы работ нацмена характерны, по ним можно судить о всей нацменработе в Дераж не.

Вот планы на 2 квартала 1926 года:

1-й квартал	2-й квартал
1) Провести популяризацию политики совласти по отношению к нацменьшинствам.	1. Провести популяризацию политики совласти по отношению к нацменьшинствам.
2) Организовать отделение об-ва кустарей.	2. Усилить работу о-ва кустарей
3. Обследовать культучреждения.	3. Усилить работу евр. ком. взаимопомощи.
4. Создать культячейку для еврейского населения.	4. Втянуть евр. население в ОЗЕТ
5. Оживить работу еврейск. ком. взаимопощи.	5. Провести статистический подсчет еврейского населения.

Характерны отметки о выполнении плана. Вот, например, отметки о выполнении по 2-му кварталу, записанные на русском языке (план составлен на украинском). По 1-му пункту плана за 2-й квартал записано: «Проведена одна лекция — «Совласть и кустари»; результаты: «Некоторые сознали, что совласть делает для бедняков что-то» (!).

По 2-му пункту следует лаконическая отметка: «Поднялся (!) авторитет общества» и т. п.

По 3-му пункту еще лаконичнее: «Слабое». Интересно, что по вопросу об усилении культработы в с.-х. коллективе имеется отметка: «Имеется в виду (?) открыть (!) комсомольскую ячейку в коллективе», но и через полгода после этой отметки это не было сделано [1].

Наконец, по вопросу о ликвидации неграмотности среди еврейского населения читаем отметку: «Не имеется платного работника, а также (!) перед праздниками кустари заняты».

Насколько умелой работой можно быстро заслужить и уважение и авторитет среди населения, показал выдвиженец — судья. Молодой еврейский парень из соседнего местечка, бывший партизан, работавший последние годы в качестве председателя местсовета в одном из близлежащих местечек, был выдвинут в качестве судьи 19-го участка. Этот участок обслуживает всю Дераж-ню, поэтому большую часть работы он проводит на еврейском языке. Здесь уместно отметить, что в одной Дераж-не теперь имеется 2 судебных участка, кроме того имеется районный земельный суд. Суды переполнены тяжбами; судятся главным образом крестьяне за самовольный захват и неправильный передел земли и по другим, связанным с землею, вопросам.

Местечковые евреи говорят о своем судье с любовью, местные крестьяне с особой охотой переносят свои дела в этот участок.

Я пошел в суд с целью проверить правильность общественного мнения.

---

[1] Казалось бы, что нацменработник должен быть прекрасно осведомлен о делах коллектива, ведь это единственный еврейский с.-х. коллектив в районе. На деле же за все время существования коллектива этот работник случайно посетил его раза 2-3.

Небольшая, чисто [1] прибранная комната была переполнена людьми. Тут не только заинтересованные лица, но и много любопытных, пришедших просто послушать, как судья разрешает дела. Потом я узнал, что для многих судебная камера—своего рода клуб.

Судья вел заседание мастерски. Стороны и свидетели чувствовали себя совершенно свободно. Какая-то старушка доказывала судье на еврейском языке, что ее сын не мог так выражаться, что она не для того его учила столько лет у известных «меламедов» (учителей), чтобы он кого-то оскорблял. Судья весьма умело заставлял слишком распространяющегося свидетеля говорить по существу. Но вот судья переходит к следующему делу: судятся 2 украинца, и судья ведет дело на украинском языке. Вряд ли многие из работников украинского центра, украинцы по происхождению, могут похвастаться таким знанием украинского языка.

Рассказывая о дераженских властях, я считаю необходимым осветить довольно подробно деятельность фининспектуры. О налогах, о тяжести этих налогов в еврейских местечках многие говорят. На месте я убедился, что в настоящее время такое общее суждение о тяжести налогов в местечке совершенно неправильно. Довольно тяжелые налоги уплачиваются количественно небольшой группой дераженских жителей. Конечно и остальные жители платят налоги, но небольшие.

В Деражне около 500 семейств когда-то занималось торговлей, между тем, по данным фининспектора в Деражне, выбрано 174 патента (из них 113 1-го и 2-го разряда), и 165 человек платят подоходный налог. Если мы примем, что в каждой семье имеется только один ра-

[1] Самое грязное помещение местечка—это канцелярия местсовета: затхлый воздух, не прибранные комнаты, окурки, развалившаяся мебель.

ботник, то окажется, что ¾ всех бывших торговых семей не обложены, потому что ничем не занимаются. Кустари же уплачивают от 5 до 12 рублей в год, и такая ставка их вполне устраивает. Нужно подчеркнуть следующее: налоги в Деражне носят ярко классовый характер, об этом говорят здесь все.

I. Подоходный налог	165 лиц	(подоход. и уравнит. выплачивают почти одни и те же лица)
II. Уравнительный налог	160 „	
III. Патентный „	400 „	(главным образом кустари)
IV. Рентное обложение	600 „	
V. Со строений	500 „	
VI. Со скота	100 „	

Рентное обложение (за землю), налог со строений, а также со скота взимается в небольшом размере, и о них совершенно здесь не говорят. Есть, например, лица, которые платят ренты 20—25 коп. в год. Патентный сбор также невысок.

Сильное недовольство вызывает у определенной части населения — у настоящих и бывших торговцев — подоходный и уравнительный налоги. Однако нужно сказать, что деражненские торговцы издавна не питали особой любви к фининспектору. До войны приезд из уезда в Деражню фининспектора вызывал у торговцев местечка определенное недовольство, хотя между довоенным фининспектором и торговцами Деражни существовал дружеский контакт. О том, что из уезда едет инспектор, торговцы извещались заранее, и большая часть товаров из магазинов уносилась, так что в день приезда фининспектора магазины имели жалкий вид. Теперь «надуть» инспектора не так легко, ведь его канцелярия находится в самой Деражне.

Никто в Деражне (за исключением ростовщика Кригмана) не ведет торговых книг. Оборот и прибыль

приходится инспектуре устанавливать по довольно туманным признакам. Отсюда и недовольство.

Вот сумма налогов, начисленная в Дераж не за 1926/27 г.:

Виды налогов	Сумма начислений
1. Подоходный	16 000
2. Уравнительный	25 000
3. Патенты	3 000
4. Ренты	2 000
Всего	46 000 руб.

Таким образом свыше 90% налогов уплатила небольшая группа лиц в 160—200 человек.

Несколько цифровых данных приводит меня к мысли, что система начисления налогов в Дераж не слишком жесткая. Возьмем для примера начисленные обороты частных торговых предприятий Дераж ни за последние 2 года.

Сумма оборота (в тысячах)

Род торговых предприятий	1-е полугод. 1925/26	2-е полугодие 1925/26	За весь 1926/27
I. Бакалейная торговля	75	109	244
II. Мануфактурная „	35	49	115

Оказывается, инспектура установила для них оборот в 1926/27 г. почти в 1½ раза больше, чем в 1925/26 г., между тем даже для слабо знакомого с торговлей Дераж ни ясно, что дела бакалейщиков и мануфактуристов весьма плачевные, и такая цифра роста оборота мало вероятна. В 1925/26 году было 7 частных мануфактурных магазинов, а теперь остался один; было несколько оптовых и полуоптовых бакалейных магазинов, но теперь они сошли со сцены. Для некоторых частных бакалейщиков установлен инспектурой оборот капитала за год в 25—30 раз, т.-е. больше чем 2 раза в месяц, между

тем рабселькоop, прекрасно работающая организация, оборачивает свои капиталы один раз в 25—26 дней.

Нам кажется, что мелкому частнику-розничнику должно быть дано некоторое налоговое облегчение. Если розничная торговля, имеющая товаров на 60—75 рублей, облагается на 140—150 рублей в год, то такое обложение нельзя считать посильным для мелкого торговца.

При той системе установления объекта обложения, которая существует в Деражне, возможны большие ошибки со стороны инспектора, между тем округ жалобы рассматривает довольно поверхностно и слишком доверяет оценке инспектора. В 1926 году было подано 90 жалоб, из них частично удовлетворено не более 5%.

Интересно проанализировать состав плательщиков подоходного налога. Как известно, подоходный налог начисляется лишь у тех торговцев, которые зарабатывают более 600 рублей в год. По самым оптимистическим сведениям фининспектора, таких лиц в Деражне в 1926/27 г. имелось 165, причем из этих 165 лиц — 42 занимались не торговлей, а посредничеством, комиссионерством и тому подобными делами.

В Деражне около 1 000 еврейских семейств. Таким образом по данным фининспектора, лишь 17% всех семей Деражни зарабатывает по 50 и более рублей в месяц. Всего же по этим преувеличенным данным всеми 165 семьями заработано 210 тысяч, т.-е. на одну семью приходится в среднем по 1 273 рубля в год.

По тем же данным, заработок выше 100 рублей в месяц по всей Деражне имеют лишь 62 человека. Заработки Критмана в 1926/27 г. оцениваются инспектурой в 7 тыс. рублей [1].

---

[1] Заработок Критмана сведущими лицами определяется в 2 000—2 500 руб.

Население считает оценки инспектора преувеличенными, подтверждая это фактом закрытия многих частных торговых заведений.

За 3 месяца закрыто 12,6% всего их количества (по данным фининспектора).

Общие выводы о налоговой политике в Деражне следующие:

1. Налоги в Деражне носят ярко классовый характер.

2. Организованная часть местечка (кустари) с большим удовлетворением говорят о налогах.

3. Основной кадр торговцев ликвидировал свои дела, и поэтому для ⅔ бывших торговцев налоговые вопросы не представляют интереса, поскольку им с фининспектором не приходится иметь дела, так как они ничем не торгуют.

4. Налоги на мелких торговцев-розничников нужно признать чрезмерными, поскольку еще нецелесообразно ставить вопрос о полной ликвидации мелкой розничной торговли.

Здесь вполне уместно указать на следующее отрадное явление: за все время моего пребывания в Деражне я ни от одного из местных жителей не слыхал о том, что фининспектор нечестен, берет взятки и т. д. И не только о фининспекторе здесь говорят, как о честном человеке (хотя жалуются на его грубость), но всю местечковую власть никто из самых заядлых противников совласти не обвиняет в нечестных поступках, в действиях с корыстной целью.

Мне остается еще сказать несколько слов о местном бюджете.

Не будет преувеличением, если я большую часть неработоспособности местсовета отнесу за счет отсутствия собственного бюджета. О том, что с нового

бюджетного года местсовет будет иметь самостоятельный бюджет, мне с радостью сообщили все местечковые работники в первые же дни моего приезда. Пока же местсовет в денежном отношении всецело зависит от райисполкома.

Местсовет имеет какие-то побочные доходы, но они очень мизерны. Так у него был следующий источник дохода: все лишенные права голоса, согласно распоряжения из округа, были обложены в 3—8 рублей за то, что они не могут выполнять обязанностей сельских исполнителей. Было собрано около 100 рублей, но затем округом взимание этого налога было срочно приостановлено — как видно, налог этот туземного происхождения и центром был отменен.

Местсовет имеет небольшой доход (до 15 рублей в месяц) от сборов в 2—8 коп. за место стоянки на рынке от беспатентных торговцев.

Бюджет на 1926/27 г. по всему району составлен на 142 тысячи рублей, бюджет же самой Деражни на тот же год составляет около 22 тысяч рублей [1].

Доходная часть бюджета Деражни составлена из следующих статей:

1. Недоимки прошлых лет	1 450
2. Различный с-х. налог (сады)	100
3. Арендная плата за мельницу	2 000
4. Сдача в аренду комм. зданий и земельная рента	8 113
5 Доходы от коммун. предприятий (электростанция и т. д.)	7 120
6. Налоги (со строений, скота и т. д.)	2 571
7. Разные доходы	125
Всего дохода	21 679

[1] Хотя Деражня не имеет своего бюджета, но в райисполкоме имеется особая роспись доходов и расходов по Деражне.

Расходная смета[1]

1. Зарплата работникам рика	533
2. Расходы по украинской семилетке	7 268
3. Расходы комхоза	7 768
4. Расходы комм. предпр.	4 890
5. Медперсонал	1 220
Всего расходов	21 679

В этом бюджете много путаницы и ненормальностей. Странно, например, что по дераженскому бюджету проходит украинская семилетка, между тем расходы еврейской школы отнесены за счет района («потому что она сельского типа»).

Украинская семилетка (бывш. гимназия) до войны была почти полностью укомплектована еврейскими детьми, и теперь старшие группы украинской семилетки на 60% заполнены детьми евреев, между тем еврейская школа до последнего года имела всего 4 группы и была больше похожа на старую еврейскую талмуд-тору, чем на советскую школу. Учителя еврейской школы в 1926/27 учебном году безвозмездно работали в 5-й группе, поставив округ перед фактом существования 5-й группы в еврейской школе. Я думаю, что еврейская школа должна была бы стать семилеткой еще 2 года тому назад.

Дераженне не отпускается из бюджета ни копейки ни на ликпункты, ни на хату-читальню.

Хотя на полях плана нацменработника есть отметка, что хата-читальня открыта, но поверить ему мы сумеем лишь тогда, когда согласимся назвать хатой-читальней небольшую, грязную, пустую комнату, где нет ни газет, ни даже столов.

---

[1] Зарплата работникам местсовета (999 рублей) проходит по смете рика.

В Деражне имеется библиотека, но еврейских книг в ней нет, совершенно нет даже еврейского отдела. О библиотеке стоит поговорить более подробно. Она была организована в 1905 году. Когда наступила реакция и большинство организаторов этой библиотеки должны были уехать из Деражни, библиотеку захватили сионисты. В течение десятка лет она фактически служила центром сионистской организации. За эти годы библиотека постепенно расширялась за счет русских и древне-еврейских книг. Понятно, что после Октябрьской революции большую часть книг необходимо было изъять. Современное состояние библиотеки никого удовлетворить не может, хотя библиотечный работник достаточно подготовлен.

В библиотеке большинство книг на русском языке; имеются несколько брошюрок на украинском языке, и совершенно отсутствуют еврейские книги. И это библиотека районного центра в местности, где живут только украинцы и евреи, где имеются 2 школы, преподающие на украинском и еврейском языках! Почему мало украинских книг, почему нет еврейского отдела? Ответ один: денег не дают, новых книг мы не выписываем.

Таково положение на культурном фронте.

Местечку нужна большая материальная помощь для перехода на новую жизнь, эта помощь должна быть принесена в местечко извне. Частично бюджет также должен быть использован для этой цели. Поэтому при составлении самостоятельного бюджета Деражни необходимо ей предоставить субвенцию за счет отчислений от подоходного налога и уравнительного сбора.

Глава VI.

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННИКИ ДЕРАЖНИ.

Количественно общественные организации представлены в Дераж не весьма прилично. В Дераж не имеются 2 партячейки (при местсовете и при железнодорожной станции), в которых числится до 50 членов и кандидатов партии; имеются 3 комсомольских ячейки [1] и 3 пионерских отряда. По Дераженскому району числится до 600 членов профсоюзов, из них в самой Дераж не проживает до 300 членов профсоюзов. Имеется в местечке общество кустарей, целый ряд добровольных организаций.

Основная ошибка всех имеющихся в Дераж не общественных организаций та, что ни одна из них до сих пор не ставила перед собою вопроса о том, как облегчить положение местечкового еврейского населения, куда направить имеющиеся в Дераж не свободные рабочие руки; во всех организациях мы в лучшем случае встречаемся с людьми, которые заражены глубочайшим пессимизмом.

Дераж ня, как сотни подобных местечек, переживает глубочайший кризис [2], но оснований для безысходного пессимизма нет. Табаководство, переход на землю, переезд в Донбасс и вообще в центры, где намечается крупное строительство — все это не разговоры, а реальные факты. До 100 семей Дераж ни уже теперь тесней-

[1] Местечковая, железнодорожная и сельская.

[2] Точнее можно сказать, что кризис переживает только одна часть местечка—торговцы и бывшие торговцы; правда, эта часть охватывает не менее половины всех семей.

шим образом связали свою судьбу с землею; для деражненца теперь не страшна никакая работа.

Эти поиски новой жизни проходят в Деражне весьма неорганизованно. Каждый за свой счет и риск что-то делает, куда-то едет.

Но общественные организации Деражни почти ничего не делают, чтобы взять в свои руки намечающееся стихийное стремление к производительному труду.

Поскольку вся работа этих организаций проходит мимо основного вопроса местечка, поскольку нет ни у одной организации местечка точного представления о том, по какому пути повести за собою массы, — постольку планы этих организаций остаются только планами.

Возьмем хотя бы партийную ячейку. В ячейке нет склок, ячейка вполне здоровая. К своим обязанностям партийцы относятся довольно серьезно. Ни от одного жителя Деражни не слышал я такого отзыва о местном партийце, который порочил бы его, как партийца. Все же все эти достоинства ячейки и прекрасные качества отдельных товарищей приносят делу весьма мало пользы. Хотя ячейка работает в самом местечке, жизнь местечка находит весьма слабое отражение в работе ячейки. Раньше всего важно отметить, что до сих пор ячейка не смогла втянуть в партию ни одного местного рабочего, ни одного местного кустаря. За все годы революции был принят в партию один кустарь, да и то потом пришлось его исключить. Вся ячейка, за исключением 1—2 местных партийцев (перешедших в партию из комсомола), состоит из работников госаппарата, профсоюзов и т. д., людей совершенно не связанных с местечком, мало знакомых с местечковой жизнью [1].

[1] До начала 1927 года ячейка совершенно не интересовалась местечком.

Деражненская комсомольская ячейка насчитывает 40 человек и состоит исключительно из евреев. Во всей деражненской ячейке имеется 7 комсомольцев, работающих у кустарей в качестве учеников. А остальные? Остальные большей частью нигде не работают. Имеются в ячейке 5—6 товарищей «портфельщиков» (председателя исполкома, нацмен и т. д.), 2—3 работают в кооперации приказчиками, а остальные 20 комсомольцев нигде не работают. Много комсомольцев уехало, главным образом в большие города (Киев, Одессу, Харьков), чтобы продолжить свое образование. Большинство комсомольцев — бывшие ученики семилетки.

Между тем для комсомольской ячейки в Деражне имеется довольно благоприятная среда, откуда они могут черпать свежие силы. В Деражне до 100 учеников, работающих у различных кустарей.

Беседуя с подростками столярами, я убедился, что о вступлении в комсомол они мечтают, но продолжительный рабочий день (12—14 часов) не дает им возможности посещать комсомольские собрания.

Вполне понятно, что при наличном составе ячейки не было в ней и не будет никакого интереса к изучению условий работы учеников. Об «ученичестве» местные комсомольцы, правда, говорят, но под ученичеством понимается ученичество в кооперации, на почте, в исполкоме и т. д.

Находясь исключительно на иждивении разорившейся семьи, деражненский комсомолец не может не отражать все настроение местечковой обывательщины. Слабо подготовленный, политически совершенно неграмотный, он ничем не отличается от всей деражненской мещанской молодежи.

Ясно, что такая комсомольская ячейка не может стать во главе рабочей молодежи местечка.

Я пробовал говорить с некоторыми рабочими подростками, почему они не вступают в комсомол. Оказывается, что некоторым даже боязно приходить на комсомольские собрания, так как «там говорят на русском языке», «в комсомоле барышни» и т. д.». Вопрос об языке наболевший вопрос, но об этом несколько позже.

В Дераж не редко можно встретить комсомольца, который гулял бы с рабочим подростком. Комсомолец, окончивший семилетку, не пойдет гулять с рабочим-комсомольцем.

На одном закрытом комсомольском собрании, когда разговорились о быте, выступила одна комсомолка и заявила, что «портфельщики» не только не гуляют с простым комсомольцем, но и не узнают его на улице. «Подруги мне говорят: в ячейке все товарищи, а на мосту[1] он на тебя и смотреть не хочет». Защищаясь один из активистов заявил буквально следующее: «Что может мне дать простая работница? Каждый должен стремиться повысить свои знания, и мне не о чем говорить с неучем».

Болезненное отношение к «портфельщикам» объясняется еще чисто материальными мотивами. В ячейке 40 подростков, оплачиваемых же служебных мест («портфелей») 5—6. Отсюда и «ревность», отсюда чуть ли не открытое наушничество, грубое выставление своих достоинств. В местсовете работают 2 комсомольца: председатель местсовета и временный секретарь. Председатель местсовета получает около 30 рублей в месяц и требует, чтобы ему увеличили жалованье, секретарь же несколько месяцев работает и ни копейки не получает за работу. Парень буквально умирает с голоду. Об этом знают все, об этом говорят и кустари («Вы против

[1] Место гуляний молодежи.

бесплатного ученичества, а посмотрите, что делается в самом местсовете»). Понятно, что в комсомольской ячейке такой факт не может улучшить взаимоотношения между всей ячейкой и «портфельщиками».

В Деражне, кроме рабочей молодежи, есть еще большое количество детей торговцев и бывших торговцев, не имеющих никакой специальности и нигде не работающих. Это самая несчастная часть местечка. В Деражне теперь имеется до 120 подростков, окончивших за последние 4—5 лет семилетку и не имеющих возможности найти работу. Занимается ли комсомол хотя бы этими подростками? Конечно нет.

Когда я приехал в Деражню, ко мне подошли некоторые из бывших крупных торговцев, которые мне представились как инициаторы по организации в Деражне кооперативной школы. Оказывается, они уже несколько раз собирались, ездили в округ, уславливались с Наробразом о программе, руководителях, а местсовет, комсомольская ячейка не знали об этой школе [1].

Когда на одном комсомольском собрании заговорили о том, что необходимо открыть в Деражне ремесленную школу, все местечко взбудоражилось. О профшколе мечтают старики и молодые, профшколу можно было бы без больших трудов открыть в Деражне, даже средства можно было бы изыскать здесь, на месте, но для местных организаций такая работа не по силам.

Интересно отметить, что после собрания, на котором говорили о профшколе, местсовет был забросан заявлениями о приеме в школу. Нужда в школе настолько

[1] „Почему вы выбрали кооперативную школу?".—„Мы раньше просили зуботехническую или фармацевтическую, но нам отказали".—„А если бы вам предложили столярную?". Молчание. Крупный торговец не хочет еще обучать своего сына ремеслу, но таких в Деражне—небольшая кучка.

велика, что родители готовы были платить по 5—10 рублей в месяц, лишь бы открыли школу.

«Вы ведь знаете, насколько трудно мне приходится доставать кусок хлеба,—говорит мне одна знакомая,— все же я готова продать мое последнее достояние, мою золотую цепочку, полученную мною от мужа ко дню нашей свадьбы, и отдать деньги на школу».

Эта тяга к школе вполне понятна, ибо о торговле молодежь Деражни и слышать не хочет.

Не на должной высоте находится и работа деражненских профсоюзов. Есть целый ряд причин слабости их работы. Не малая доля вины падает на отдельные личности. В Деражненском районе 600 членов союзов. До последнего года в Деражне был райсекретариат, потом его сократили — режим экономии. Имеются несколько райкомов отдельных профсоюзов, причем мелкие союзы влиты в самый крупный союз Работземлес (Союз сельхозрабочих)). В этот союз переведены члены союзов строителей, нарпит и другие. Этими реорганизациями вся работа в деражненских союзах разрушена. В Работземлесе положение усложнено еще наличием весьма слабого, совершенно незнакомого с профработой председателя райкома. Председателем недовольны батраки и рабочие, особенно рабочие и батраки евреи. О кустарях не приходится говорить. Попасть в союз Работземлес еврею, рабочему или батраку, почти невозможно. Я видел заявление одного батрака-еврея с просьбой о приеме в союз. К заявлению приложен был документ о том, что этот батрак работал в течение 5 лет по найму у различных плантаторов, что отец его рабочий, и все же этому батраку было отказано в приеме, так как «он работает у различных хозяев» (!). Я бы мог привести целый ряд подобных произвольных поступков со стороны этого Янского.

Известно ли партийной ячейке, как ведет работу Янский? Мне кажется, что да. По крайней мере отдельные видные работники ячейки все эти факты подтвердили. Секретарь комсомольской ячейки мне рассказал, что учеников столяров, получающих 5—8 рублей, а таких большинство, Янский не принимает в союз, потому, что «они мало зарабатывают» (!). Приходится удивляться, почему местные органы терпят такого работника на таком ответственном посту.

Я не стану характеризовать в отдельности все остальные общественные организации Деражни. Такие добровольные общества, как МОПР, «Друг детей», находятся еще в зачаточном состоянии и никакой работы не проводят. Начала работать и прекрасно поставила работу ячейка Осоавиахима. Несколько подробнее остановлюсь на работе общества кустарей и Озета, поскольку эти организации должны сыграть крупную роль в общественной жизни еврейского местечка.

Начну с Озета. Уже второй раз организовывается в Деражне Озет. Еще в начале 1926 года было зарегистрировано до 200 членов общества, но уже к лету все общество распалось. Общество занималось собиранием членских взносов—и только. Даже отправка по нарядам переселенцев проводилась помимо местного Озета [1]. Лишь летом 1927 года снова заговорили о необходимости организации отделения Озета. Может быть здесь повлияла бумажка из центра. Так или иначе, но организационное собрание было созвано.

Буквально все слои населения имели на этом собрании своих представителей; впервые за годы революции у стола местсовета сидели также некоторые из бывших

---

[1] Всего-то отправлено за 1½ года—12 семейств.

крупных торговцев Деражни[1]. Они были очень смущены; некоторые из них держались с напускным спокойствием. Председательствовал нацмен-работник. Вопрос шел о средствах для общества. Появились проекты, начали читать соответствующие пункты устава. Больше всего поразил присутствовавших торговцев пункт устава о том, что Озет имеет право юридического лица и пользуется различными льготами. Что за льготы, какие льготы, можно ли открыть предприятие?—вокруг этих вопросов шли долгие дебаты. Кустаря и рабочая часть собрания явно тяготились этими разговорами. Кончилось собрание раздачей бланков о вступлении в Озет. «Снова деньги!..»,—разочарованно говорили уходящие торговцы.

Новое общество не повело необходимой разъяснительной и пропагандистской работы, не обращая внимания на то, что местечковые бездельники и болтуны не перестают доказывать на всех перекрестках, будто местные жители из Крыма уже давно удрали: «Иначе, откуда взялась в Крыму свободная земля?»

Озет, общество заинтересованное устройством евреев в сельском хозяйстве, о местном еврейском сельскохозяйственном коллективе не имело никакого суждения.

Столь же непонятно отношение Озета к местным табаководам. Без всякой помощи извне несколько десятков еврейских семей бросает торговлю и заводит новую для этой местности с.-х. культуру. До последнего года никто не приходил им на помощь. И лишь за последние месяцы, благодаря энергичному вмешательству се-

---

[1] „Вы знаете, в последний раз мы здесь собирали их, когда приходилось распределять „контрибуцию", а теперь это „общественники",—говорит мне на ухо кустарь.

кретаря райпарткома, табаководы получают небольшую ссуду, и местным агрономом выписываются для них в небольшом количестве улучшенные семена. А местное отделение Озета жалуется на отсутствие работы!

Перейдем к обществу кустарей.

Основные вопросы, которые больше всего интересуют деражненского кустаря—это: 1) правильная организация заготовки сырья; 2) реорганизация методов сбыта (артели и т. д.); 3) кредиты; 4) подготовка новых, более квалифицированных работников.

Занимается ли и в какой мере занимается Деражненское кустарное общество этими делами?

На этот вопрос можно только ответить, что фактически в Деражне нет кустарного общества. Сам председатель об-ва откровенно признался мне, что в продолжение 9 мес. он весь день занят другой работой. Впрочем председатель общества не знает еврейского языка, хотя он еврей по национальности. Это сильно раздражает кустарей. На одном торжественном собрании кустарей председатель общества начал свой доклад на русском языке. Поднялись протесты. Тогда председатель заявил буквально следующее: «Кому не нравится, тот может уйти». Можно себе представить, насколько авторитетен такой председатель общества.

В Деражне имеется рабочий клуб, который ведет некоторую работу: выписывает несколько газет, содержит кино (вернее, кино содержит клуб). Все же судьба этого клуба висит на волоске — есть сторонники закрытия рабочего клуба из-за отсутствия базы для его работы.

Деражненец издавна интересуется политикой. До войны Деражня имела читальню, которая содержалась за счет платных посетителей. Теперь в Деражне получаются: 107 экз. «Правды», 53 экз. «Известий», 7 экз. «Эмес», 3 экз. «Дер Штерн».

170 экз. газет получаются деражненскими жителями, это значит, что в Деражне не менее 500—600 человек читают регулярно газету (взрослого населения в Деражне 1 800 человек); газеты выписывают в складчину. Интересно следующее:

1. Еврейские и украинские газеты еще не привились в Деражне.

2. Наибольшей популярностью пользуется «Правда».

Украинские газеты выписываются только учреждениями, но за мою бытность в Деражне я не видел украинской газеты ни у одного жителя Деражни, ни у одного служащего или интеллигента. Почти в таком же положении распространение еврейских газет; даже работники еврейских учреждений не выписывают еврейской газеты. Между тем русская газета здесь читается с большим трудом; большие статьи совершенно пропускаются. Незнание языка часто приводит к курьезам.

Приходит ко мне один из постоянных читателей «Правды», ярый «политик», и задает мне следующий вопрос:

«Скажите, где можно узнать результаты полета советских аэропланов на Марс?» Я доказываю ему, что советские аэропланы пока что довольствуются полетами вокруг земли, но этот ответ его совершенно не удовлетворяет.

Он приносит «Правду», где напечатана заметка о звездном перелете [1]. Его смутило слово «звездный», и мне стоило больших усилий доказать ему, что означает в данном случае «звездный перелет». Таких казусов очень много, между тем абсолютное большинство предпочитает «Правду» еврейским газетам. Почему же это так?

---

[1] Перелет из нескольких пунктов в Москву военных аэропланов.

«Разве можно сравнить «Дер Штерн» с «Правдой»? — отвечают все читатели.

На еврейскую газету «Дер Штерн» жалуются почти все местные читатели. Она для них слишком проста. Даже некоторые кустари мне заявили, что «Дер Штерн» уже настолько упрощает, что никто не верит этой газете».

«Возьмите любой номер «Правды». Там и Бухарин и Ворошилов. Вот на-днях я весь вечер читал речь тов. Бухарина по случаю годовщины смерти тов. Дзержинского. Разве в еврейской газете есть интересные статьи?» — сказал мне один читатель.

«Эмес», хотя и серьезная газета, но язык этой газеты совершенно непонятен дер'жинскому читателю.

«Вот я читаю «Правду». Мне конечно, трудно читать русскую газету, я ведь в «университетах» не учился, но все же мне легче читать «Правду», чем еврейскую газету «Эмес».

Я пробовал читать вслух «Эмес» нескольким местным жителям, постоянным читателям газет, и оказалось, что большинство слов для них совершенно непонятны.

Все же при небольшой инициативе со стороны местных общественных деятелей подписку на еврейские газеты можно было бы сильно повысить.

В 1926 г. были месяцы, когда выписывалось до 50 экз. еврейских газет, потом подписка упала до 10 экз., затем под влиянием некоторой агитации она снова стала быстро подыматься. Это показывает, что читатель еврейских газет имеется, хотя он постановкой этих газет недоволен.

Большой спрос на «Правду» объясняется еще повышенным интересом местечкового обывателя к внутрипартийным делам.

Нужно помнить, что вся эта читающая публика теснейшим образом связана с окружающим крестьянством. Можно себе представить, как разъясняет «Правду» деражненский обыватель!

А партийная ячейка очень мало разъясняет окружающему населению современное положение вещей [1].

Один член союза рассказал мне следующее:

«Вчера я подошел к одному ответственному партийцу и задал ему вопрос: «Чего хочет оппозиция?» Он надвинул мне шапку на глаза и сказал: «Иди спать».

На общем фоне местных общественных деятелей учителя (украинской и еврейской школ) мало чем выделяются.

Из 60 учителей района лишь один учитель окончил высшее учебное заведение, зато имеется большое количество учителей без всякого систематического образования.

Еврейская школа обслуживается весьма слабыми учителями, если не считать заведующей.

«Мы люди 20-го числа — так характеризовал свое положение один еврейский учитель, мы выполняем все, что написано в программе».

Несомненно слабая подписка на еврейские газеты, отсутствие еврейской библиотеки и хаты-читальни должны быть в значительной мере отнесены за счет слабой активности учителей.

Как украинская, так и еврейская школы считаются школами с сельско-хозяйственным уклоном. О целесообразности такого уклона для Деражненского района не приходится говорить. Район чисто сельско-хозяйственный, и для большей части деражненцев вся будущ-

---

[1] „За все время моей работы в райпарткоме я не видел здесь представителя евсекции окрпарткома", — сказал мне завагитпропом РПК.

ность в интенсивном сельском хозяйстве. Школами же ничего не сделано для развития такого хозяйства. Несколько заросших бурьяном грядок — вот итоги работы семилетки за последний год. У еврейской школы и этих грядок нет, хотя школа имеет около одного гектара усадебной земли. В местечке десятки семей занимаются табаководством, у многих имеются небольшие огороды, а один из учителей еврейской школы так заявил: «Бросьте говорить о сельско-хозяйственном уклоне; еврейский ребенок к сельскому хозяйству вряд ли привыкнет».

У кустарей, поскольку кустарное общество совершенно не работает, а необходимость в организации велика, организующим центром является ссудо-сберегательное товарищество, вернее 3—5 зажиточных кустарей, которые довольно продолжительное время руководят всеми общественными делами кустарей. Конечно эти руководители стоят выше довоенных местечковых воротил, они долгое время варились в советском котле. Но все же политика, ими проводимая, вряд ли может быть названа вполне советской.

Понятие «кустарь», как и понятие «крестьянин», требует расшифровки. Есть различные по экономической мощи крестьяне (бедняки, середняки, кулаки), есть и различные кустари. Есть в Деражне кустарь, у которого работают 2—3 рабочих, который фактически сам не работает, а управляет мастерской; есть кустарь-одиночка; имеются мелкие промышленники, которые раздают материалы для пошивки, ужасным образом эксплоатируя труд работниц, и эти лица также называются кустарями. Таких кустарей немного (20—25 кустарей во всей Деражне), но эта небольшая группка наиболее активна и руководит всей общественной жизнью кустарей.

До 70% всех кустарей—середняки. Это мастера средней руки, работают они самостоятельно, часто у такого кустаря можно встретить ученика. Большей частью они искренно благожелательны ко всему советскому.

20—25% кустарей — «незаможники». Это слабо квалифицированные, занимающиеся починками, по каким-либо несчастным обстоятельствам опустившиеся мастера.

Если на селе незаможник — сила, у него своя организация, он находится под неослабным вниманием и партии и советской власти, то этого нельзя сказать о незаможниках-кустарях, которые забыты и слабо себя проявляют.

Дераж ня до войны была далека от религиозного фанатизма. Религиозные обряды выполнялись механически, чаще всего в интересах укрепления своей торговли и кредита. Почти все ездили по субботам, курили и т. д. Но все это делалось так, чтобы посторонние не замечали.

Каково же было мое удивление, когда я узнал, что молодой раввин пользуется большим авторитетом. Подобное явление, отнюдь не типичное для остальных местечек Подолии, объясняется прежде всего умелым использованием ошибок общественных организаций Дераж ни.

О раввине все местечко говорит, как об умном и влиятельном человеке в общине. Свой авторитет он создал себе постепенно. Прежде всего им была использована слабость «комитета помощи».

Распад последнего был ускорен следующим обстоятельством. Местсовет собрал общее собрание граждан Дераж ни и заявил, что лишенные права голоса (их в Дераж не 41% всех жителей) не имеют права активно участвовать в работе комитета, т.-е. собирать деньги и т. п.

«Я тогда спросил, — ехидно рассказывает один из руководителей религиозной общины: «А давать лишен-

ные права голоса могут?» — «Давать, — ответили они мне, — конечно могут».

Ввиду громадного процента лишенных права голоса, ввиду того, что основные деятели этого общества (бывшие благотворительные дамы и т. п.) оказались по разъяснению местсовета лишенными права активно участвовать в обществе, оно немедленно распалось. Этим воспользовались руководители религиозной общины во глав с раввином Комитет помощи фактически продолжает существовать, средства изыскиваются и распределяются, но только не обществом, а религиозной общиной.

Несколько слов об организационных формах религиозной общины в Дераж не. До войны в каждой синагоге был выборный староста и казначей. Связи между выборными отдельных синагог не было. В настоящее время в религиозной общине совершенно иные порядки. Выборы стали более демократическими. Советы отдельных синагог образуют как бы пленум религиозной общины, а во главе этого пленума стоит раввин.

В настоящее время в Дераж не 8 синагог и молитвенных домов. Посещаются синагоги главным образом стариками, но и до войны молодежь редко посещала синагогу. В старой синагоге на привокзальной каждый день собирается по 15—25 молящихся. В этой синагоге ведутся и политические споры. Остальные синагоги привокзальной посещаются только по субботам.

Большая часть населения Дераж ни выполняет все религиозные обряды — правда, выполняет их машинально, скорее в силу привычки, нежели религиозного сознания, выполняет со многими отступлениями от традиций. Вот пример.

В пятницу вечером еврейка благословляет свечи, а потом тушит их и оставляет огарки на следующий раз:

режим экономии (тушить свечи в субботу религия воспрещает).

В Деражне нет еще случая, чтобы ребенок остался не обрезанным, редки случаи, когда едят хлеб во время пасхи и т. д.

Прямо невероятно, как много денег тратится в Деражне на религиозные потребности. По тщательным подсчетам весьма сведущих лиц, по двум основным статьям религиозного культа тратится ежегодно следующая сумма денег:

1) На содержание синагоги и обслуживающего персонала — 5 тыс. руб.

2) Резникам за резку скота и птиц — 6 тыс. руб.

11 тыс. рублей в год расходует еврейское население в Деражне на религиозные потребности! Почти по 3 руб. на душу в год экономически полуразоренное местечко платит только за старую привычку. И действительно верующих мало, верующих фактически нет. «Как не дать на синагогу 5—10 руб. в год! — говорит один спекулянт, — ведь меня все местечко высмеет». Платят все: лавочник, кустарь, рабочий, безработный — все несут добровольные религиозные налоги. Между тем в синагогу ходит не более 20—25% взрослого населения — и то только в большие праздники.

В прошлом году почти все синагоги были отремонтированы, в синагоге на привокзальной купили новую мебель [1]. Лишь год тому назад кантору за праздничные дни (3—5 дней) уплатили в одной синагоге Деражни 600 рублей. Никогда в довоенные годы столько денег не платили кантору.

---

[1] Мне известно, что в соседнем местечке выстроили новую синагогу за 20 тыс. руб., в то время как в том же местечке до сих пор нет школы.

Самый тяжелый религиозный налог — это такса за резку птицы. В Деражне за резку курицы платят 10 коп. Курица стоит 50 коп., так что резнику за резку уплачивается 20% ее стоимости. За цыпленка платят 15 коп., а за резку его 5 коп.

«Это грабеж среди белого дня, — говорит мне на ухо старая еврейка, — но кто пойдет против нашего раввина!»

Какой вой подымают лавочники, когда приходится уплачивать 16 тысяч рублей подоходного налога (ибо тяжесть этого налога падает на небольшую группу в 165 чел.), а 11 тысяч рублей на религиозные нужды собираются без всякого шума.

На ремонт еврейской школы не могли собрать необходимых 1 500 рублей, а кантору за 3 дня платят 600 руб.!

Часть собираемых религиозной общиной средств используется на привлечение бедняцкой массы путем благотворительности. Бедняки, а их в Деражне очень много, получают от общины небольшую помощь, раввин очень редко кому отказывает в помощи, и получается у массы такое впечатление, что кроме благочестия раввин обладает еще добрым сердцем.

Раввином создан кружок по изучению талмуда; вступительный взнос в этот кружок был 3 руб. 60 коп., а теперь 10 рублей. Всего записалось и посещает 43 человека, из них 3 кустаря, несколько молодых людей, остальные—бывшие торговцы и лавочники. Никогда до войны в Деражне не было таких кружков.

Смешалось старое с новым, причем новое не борется со старым укладом. Наоборот, старое очень хитро отстаивает свое существование, но сама жизнь конечно побеждает. Вот, к примеру, интересный случай.

Суббота. Медленно и спокойно идет кузнец Арон в синагогу, одет по-праздничному. Вдруг к нему подхо-

дит паренек и вручает ему мандат на съезд кустарей. Съезд открывается в округе сегодня же вечером. Кузнец, не долго думая, отправляет с ребенком домой молитвенные принадлежности и идет на вокзал. Он едет в округ на съезд в своем субботнем сюртуке.

Глава VII.

15 БЮДЖЕТОВ (ПРИХОДЫ).

Выудить от дережненского обывателя—где, когда и как он заработал последние десять рублей, представляется задачей довольно трудной, почти невыполнимой.

Дережненец готов с удовольствием обсуждать положение своего соседа, рассказать об его заработках, зная даже, что этим самым он наносит вред своему соседу; дережненец готов горячо доказывать, что тот или иной житель Дережни живет не по средствам, но стоит вам заговорить с ним об его личных делах, как кроме вздохов, жалоб на свою судьбу, на советскую власть и т. д. вы от него ничего не услышите.

Заработки дережненца — это не заработки рабочего или служащего. Рабочий и служащий всегда сможет с некоторой точностью указать сумму расходов за месяц, дережненец же, когда ему подсчитывали все расходы за месяц, делал большие глаза и задавал весьма искренно вслух самому себе, своей жене и родным вопрос: «А где же мы достали столько денег?»

В течение месяца я разъяснял на многих собраниях и заседаниях значение бюджетного обследования, с каждым опрашиваемым я вел предварительные, весьма продолжительные разговоры, но все же при записи каждый ответ опрашиваемым взвешивался, к каждому вопросу опрашиваемый настороженно прислушивался: «нет ли подвоха?» Дережненец мнителен и не верит никому, даже членам своей семьи. Он все время находится в плотном окружении конкурентов, за ним пристально

следит фининспектор, он уже не раз попадался в различные неприятные истории, и поэтому деражненец находит целесообразным отмалчиваться, когда его спрашивают об его приходах.

Спрашиваю почтальона: «Сколько прибывает экземпляров газет в Деражню?» Он долго смотрит на меня и потом задает мне следующий вопрос: «Неужели вы хотите забрать у меня кусок хлеба?» Вот ответ советского служащего, каков же должен быть в таких случаях ответ торговца, лавочника?

Переписываю одного торговца. Все расходы записаны, перехожу к приходам. «Я, — заявляет опрашиваемый, — получил в этом месяце из Америки 15 долларов». Я записываю его показание, но вдруг опрашиваемый побледнел и начал просить меня вычеркнуть эту запись. Причины столь страшной просьбы я не мог узнать, хотя я долго расспрашивал его. Пришлось приостановить работу. Лишь вечером я узнал, что опрашиваемый эти доллары продал на черной бирже, получил за каждый доллар на несколько копеек дороже курса, и поэтому он боялся указать эту статью прихода.

Вот в каких условиях приходилось проводить бюджетное обследование деражненцев.

При бюджетном обследовании важно, чтобы переписываемая семья была типичной для целого ряда семей. Но найти в Деражне типичные семьи, которые добровольно согласились бы записать свои доходы и расходы хотя бы за один месяц и эти записи передать кому бы то ни было, было весьма трудно. Даже среди тех, которые уже согласились переписать свой бюджет, оказалось несколько дезертиров [1].

[1] „Сколько соли я купил за месяц также необходимо записать?— говорит один торговец, возвращая мне приходо-расходный бланк. Таких сведений я и раввину не дам".

Так как большинство записей сделано со слов опрашиваемого, то доброкачественность всех этих записей зависит от того, насколько откровенен опрашиваемый. Поэтому и бланк тщательно проверялся со стороны его внутреннего содержания. Иногда ложный стыд не давал возможности закончить бюджет. Спрашиваю у одной вдовы, весьма бедствующей: «Сколько у вас пар белья?» Она долго думает и потом заявляет: «У меня белья, слава богу, много; будет 8 пар». Ложный стыд заставил ее увеличить число имеющихся у нее пар белья минимум в 4 раза.

Таким образом, после тщательной проверки всех записей с самим опрашиваемым, после детального ознакомления с состоянием данной семьи по различным экспертным данным, я пришел к выводу, что из всех заполненных бюджетных бланков могут быть обработаны лишь 15. Можно ли считать, что итоги обследования этих 15 семей характерны для всей Дережни?

На этот вопрос можно будет ответить лишь после тщательного анализа отдельных бюджетов. При оценке бюджетных записей необходимо иметь в виду, что дережненские семьи по источникам доходов могут быть распределены на очень много групп и группочек. Даже в одном и том же цеху, в одной и той же группе имеются различные по доходности семьи. Два кустаря одной и той же квалификации по своим доходам могут резко отличаться друг от друга. Поэтому я постараюсь проанализировать доходность каждой семьи в разрезе общего положения всей данной группы, представителем которой может являться эта семья. Расходный же бюджет всех переписанных семей может быть рассматриваем совместно, так как по своим расходам все семьи Дережни могут быть сведены к 2—3 группам.

По источникам доходов глав семьи переписанные семьи распределяются следующим образом:

Наименование группы семей по их источникам дохода	Число переписанных семей	Источники дохода главы семьи
1. Торговцы и бывшие торговцы	4	Фруктовщик, бакалейщик завод сельт. вод, бывший мануфактурист.
2. Деклассированные семьи и безработные . .	4	Различные случайные доходы.
3. Ремесленники	7	Чулочник, 2 сапожника, модистка, портной, шапочник, жестянщик
Всего . .	15 семей	

Приблизительно в той же пропорции распределены все деражненские семьи: торговцы, бывшие торговцы и деклассированные охватывают свыше 50% всех деражненских семей.

По числу членов семьи все переписанные семьи распределяются следующим образом:

с 2 членами	1 семья
с 3 „	4 семьи
с 4 „	6 семей
с 5 „	2 семьи
с 6 „	1 семья
с 7 „	1 „
В среднем на одну семью приходится около . .	4 чел.

Приблизительно таков средний состав семьи по всей Деражне: на 1 050 семей приходится 4 082 жителя.

В некоторых семьях (главным образом у деклассированных) приработки членов семьи служат фактически

основным источником дохода семьи. Интересно, что в 4 из 15 переписанных семей главой [1] семьи считаются женщины (одна—у торговцев, 2—в группе деклассированных и 1—в группе кустарей). По экспертным данным, ¼ всех семей Деражни имеют главой семьи женщин.

Всего состоит из переписанных членами кооперации . . . . 4 семьи
. . . . общества кустарей . 3 .
. . . . ссудо-сберег. т-в. . 3 .
. . . . профсоюзов . . . . 1 семья

Для установления размера расходов на одного члена семьи пришлось всех переписанных членов семьи перевести в общепринятые условные единицы — в «едоки» [2]. Каждая семья нуждается в самостоятельной характеристике. По первой группе («торгонцы») начну с арендатора-садовника.

1. Арончик Барах. За 15 лет своего пребывания в Деражне он своим добродушием, честным отношением к делу заслужил доверие и любовь всего местечка.

Арончик сейчас же согласился подсчитать со мною свой бюджет; он знает, что такое бюджеты, он не из тех, которые боятся таких вещей.

«Вообще-то говоря, мне уже нечего скрывать, один только фининспектор думает, что я еще жив, между тем я уже давно погиб»,—так начал свой подсчет приходов за последний год Арончик. В прошлом году, сейчас

---

[1] Главой считается тот, кто больше всего участвует в расходах семьи.

[2] Вот табличка, по которой совершался этот перевод.

Мужчины	Женщины
от 18 до 59 = 1 единица	от 16 до 54 = 0,8 ед.
. 14 — 17 = 0,8 .	. 11 — 15 = 0,6 .
60 лет и старше = 0,8 ед.	55 лет и старше = 0,6

Дети: от 7 до 13 лет = 0,55 ед.
. 1 — 6 . = 0,3 .
до 1 года = 0,1 .

же после Троицы Арончик подсчитал свою кассу. Оказалось у него наличными 450 рублей. С такой суммой денег приступить к закупке садов конечно нельзя. Пришлось создать «трест». В этот трест вошли еще двое. Капиталов у всех вместе оказалось около 1 000 рублей.

«Вы должны знать, что я большой спец своего дела. У меня 30-летний стаж, и поэтому я стал во главе дела», — говорит Арончик.

Заарендовали они садов на 1 500 рублей, всего же оборота у них было около 2 100 рублей. Кроме собственных денег пришлось еще занимать несколько сот рублей.

Предполагалось снять 35 тонн яблок, а сняли они 7,5 тонн.

«Помучались мы полгода, уплатили долги, 350 рублей процентов за одолженные деньги, и пришел я домой без копейки денег: не было даже на несколько кило муки».

«А поговорите с фининспектором, что он вам скажет о Бараце? Не забудьте, что я должен был взять патент III разряда за 60 рублей, кроме того я должен был уплатить уравнительный и подоходный налог 37 рублей».

Необходимо было подумать о дальнейшем.

Арончика спасли, во-первых, 50 долларов из Америки, во-вторых, случай.

Как только Арончик убедился, что урожай погиб и что рассчитывать на заработки от садов нельзя, он начал бомбардировать письмами американских родственников[1] и в январе он получил от них 50 долларов.

Эти 50 долларов дали ему возможность передохнуть до пасхи. После пасхи он снова сел на мель. Необхо-

---

[1] С американскими родственниками нам придется встречаться не раз. Ежемесячно Деражня получает из Америки не менее 1000 руб. от различных американских дядюшек.

димо было думать о новой аренде сада, а тут нет куска хлеба.

«Однажды, — рассказывает Арончик, — стоял я на привокзальной площади. Вдруг ко мне подошел какой-то молодой человек и спрашивает, где можно сбыть 10 мешков белой муки без всякого шума. С тех пор я торгую мукой».

Затем идет целая повесть о том, как приобретается мука и кому она продается. Вот один из вариантов.

Закупает в Деражне Арончик 20 мешков овса и везет этот овес в Софиевку (55 километров от Деражни). Там имеется мельница, где подставные крестьяне перемалывают пшеницу для одного спекулянта. Овес в Софиевке продается, на овсе Арончик не зарабатывает, ему главное, чтобы подводы в Софиевку везли какой-нибудь груз; оттуда вывозит 10—12 мешков муки в Деражню. Необходимо эту муку незаметно привезти в Деражню и продавать ее не оразу, а отдельными мешками. На такой сложной операции при хороших ценах можно заработать от 15 до 25 рублей.

«Так вот каким образом дотянул я до лета», — говорит он.

Теперь у Арончика 170 руб., он «капиталист», и поэтому некоторые деражненцы ему предлагают работать в компании. Но как собрал он эти 170 руб.?

«Теперь и думаю: что будет дальше? Мне 39 лет, у меня семья в 6 человек, я болен (следует перечисление десятка болезней). За что взяться? — не знаю».

2. Брацлавские издавна занимались бакалейной торговлей. Особо славилась эта семья умением привлечь покупателей. До войны Брацлавские владели одним из лучших бакалейных магазинов Деражни. Основной принцип старика Брацлавского — торговать побольше

во что бы то ни стало. До войны по дешевизне товаров этот магазин был вне конкуренции. Ради экономии, для того чтобы торговать дешевле конкурента на $^1/_{32}$ коп. на кило, Брацлавский готов был пойти на всякое ухищрение.

Теперь весь магазин и сам Брацлавский представляют собою развалины, хотя старик еще не сдается.

«Ведь я скован, как каторжник, ведь они кредита, ни товаров я доставать не могу, а все же я торгую дешевле, чем рабселькооп. Десяток коробок спичек у меня 13½ коп., а у них 14 коп.».

Однако Брацлавский сам чувствует, насколько беспочвенно его самовосхваление.

«Что и говорить,—со вздохом кончает он,—зарезали «они» нас тупым ножом, убили они Брацлавского!»

Об его доходах можно судить по обороту, который равен 100—120 руб. в неделю, и по тому, что в течение года он получает из Америки до 100 долларов. «Как видите, и я должен писать слезные письма моим сестрам, иначе я давно бы сдох с голоду».

В течение получаса мы тщательно переписывали все содержимое магазина. Мы насчитали 39 предметов общей стоимостью в 67 рублей. Таково торговое заведение одного из современных середняков торговцев Деражни. Налогов он уплачивает 134 рубля в год. Его приходы (прибыли) не превышают 10 рублей в неделю: к такому выводу он пришел после долгих подсчетов, проверки наличности, подсчета долгов и т. д.

З. Амчиславская — глава семьи. Она владеет «заводом» сельтерских вод и собственной квартирой. Высокая, худая старуха, одетая в совершенно выцветшие лохмотья, сидит на табурете перед столиком, на котором стоит несколько бутылок воды и бутылка с сиропом.

«Вы хотите знать, как я живу? Пожалуйста, у меня секретов нет, я могу вам все рассказать. Спрашивайте, и я вам на все вопросы дам исчерпывающие ответы».

У семьи Амчиславских, как и у многих семей Дережни, было раньше несколько источников дохода; кроме «завода» у них еще была типография [1]. В этой типографии работали 2 сына Амчиславской — один наборщиком, другой печатником. Во время революции типография была национализирована, но машины были оставлены хозяйке, и сыновья Амчиславской числились рабочими. В 1923 г. приехали из окружного центра и забрали шрифт и главную часть печатной машины (брать всю машину не хотели, так как она была сильно изношена). Когда забирали типографию, Амчиславская получила заверение, что сыновья ее будут работать в гостипографии. В течение 5—6 месяцев сыновья Амчиславской действительно работали в округе в типографии, но потом их расчитали. Теперь живут они втроем и вырабатывают сельтерскую воду.

Из беседы с Амчиславской я узнал, что до войны в Дережне было 3 «завода», а теперь в той же Дережне 5 «заводов». Все необходимые приборы для выработки сельтерской воды оцениваются Амчиславской в 600 руб.

«Неужели увеличилось в Дережне число покупателей воды? — спросил я.

«Куда там! Теперь редко кто из местечковых зайдет в буфет. Главная торговля — по воскресеньям и четвергам (ярмарка), когда приезжают в местечко крестьяне. Нас 5 заводчиков, и самый крупный вырабатывает в неделю (летом) 800 кило воды. А что можно заработать на кило воды, когда мы торгуем 5 коп. за кило?»

---

[1] Эта типография стоила при ее открытии (20 лет тому назад) 1 200 руб.

В прошлом году за летний сезон Амчиславская заработала 300 рублей, но большую часть денег ей пришлось отдать компаниону, так как у нее не было денег на покупку материалов для производства.

В этом году она за недостатком средств начала работать поздно и предполагает заработать до 150 руб., но мне кажется, что и эту сумму денег она не сумеет заработать. Я лично подсчитал выручку за воскресный день — оказалось, что она наторговала 40 копеек.

Фининспектор вычеркнул ее из списка налогоплательщиков. Амчиславская рассказывает, что нужда заставила ее продать свое место в синагоге за 6 рублей.

4. «Живых» мануфактуристов в Деражне не найти; остался один частный мануфактурный магазин — и тот накануне закрытия. Пришлось обратиться к бывшим мануфактуристам. Среди нескольких десятков мануфактуристов Левинский считался одним из передовых торговцев, и я решил с ним поговорить.

Левинский согласился записать свои расходы («приходов нечего записывать, — их нет»).

Но все же, ведь вы не крадете, каким-нибудь способом достаете на жизнь?» — возразил я. Тогда Левинский подробно описал мне свои источники доходов.

До войны он большую часть товаров покупал у Цинделя, Губнера, Прохорова и т. д. Во всех этих фирмах он пользовался кредитом.

«До войны,—говорит Левинский,—я работал чужими деньгами, но никогда не платил выше 15%, теперь же я перед пасхой занял на 6 месяцев в Обществе взаимного кредита 200 рублей, и мне выдали 140 руб., остальное удержали в качестве процентов».

Магазин Левинского считался вторым в Деражне, торговый оборот за год составлял 32 тыс. рублей, причем ему приходилось уплачивать следующие налоги:

I. Купечество (2-й гильдии)	82 руб.
II. Добавочные	14 „
Всего	96 рубл.

Кроме того за помещение он платил 100 рублей в год.

Левинский до 1926 года, шутя конкурировал с кооперацией, но с 1926 года он должен был окончательно сдать и затем закрыть магазин. Причины?

1) Невозможность закупки частными лицами мануфактуры в трестах и синдикатах (основная причина); 2) этикетные цены и 3) налоги.

«Я вам высчитал, сколько я уплачивал до войны налогов, теперь я вам подсчитаю, сколько мне пришлось уплатить в 1926 году».

I. Уравнительный сбор и патент	1000 руб.
II. Подоходный налог	500 „
III. Комхозу за помещение	350 „

Он прибавил к этому, что в 1926 г. он имел лишь 15—20% товаров мирного времени.

«На какие же средства вы живете?» — спросил я.

«Я получил около 200 рублей из Америки, 200 руб. (вернее 140) я занял в О-ве взаимного кредита, и за этот год мною проданы шуба, серьги и золотые часы».

В Деражне нет почти семьи, которая не была бы связана с Америкой, которая в тяжелые времена не использовала бы эти связи и знакомства. У некоторых торговцев эта помощь — почти единственный источник существования.

Данные о доходах указанных 4 семейств можно лишь с некоторыми оговорками распространить на всю массу торговцев и бывших торговцев. Необходимо иметь

в виду, что в Деражне имеется до 15 семейств ростовщиков, имеется 2—3 десятка семей, живущих за счет прошлых накоплений.

Приходная часть бюджета современной деклассированной безработной дераженской семьи почти ничем не отличается по характеру от приходов торговца или бывшего торговца. Приходы деклассированной семьи так же случайны и непостоянны, как и у торговца.

Еврейское местечко всегда отличалось большим процентом деклассированных элементов. До войны в каждом местечке можно было встретить десятки семей, которые не имели постоянных доходов. Обанкротившиеся лавочники, вдовы и сироты, старики-ремесленники и, наконец, ряд молодых неудачников, не имеющих возможности пристроиться, — все они составляли довольно большую группу людей, потерявших всякую надежду выбиться в люди. Эмигранты, уезжавшие из России в Америку, вербовались главным образом среди этой группы еврейского населения.

Война, затем экономические мероприятия советской власти сильнейшим образом отразились на материальном положении местечкового еврейства; число лиц, не имеющих никаких источников дохода, по сравнению с довоенным периодом значительно увеличилось. В Деражне до войны было до 500 семей, занимавшихся торговлей, маклерством и т. д. Теперь большая часть этих семей осталась без работы. По моим расчетам, не менее 50% всех бывших торговцев теперь ничем не занимается. Эта часть местечка постепенно превращается в обыкновенных нищих.

Большинство из них согласно работать, где угодно, лишь бы заработать на жизнь.

Для характеристики материального положения этой крупной группы населения я опишу довольно подробно

приходы 4 деклассированных семейств, более или менее типичных для всей группы.

5. Семья Швейцер лишь в этом году перешла на табаководство. Это означает, что мы имеем дело с самой необеспеченной семьей, с семьей, у которой уже не имеется никакого другого выхода, ибо табаководством занимается самая обездоленная часть местечка.

Старая интеллигентского вида женщина с особым достоинством спокойно рассказала мне о своей жизни.

Муж убит во время погрома. После мужа осталась семья в 4 человека. 5 лет она жила в другом местечке у брата, но в прошлом году она должна была уехать обратно в Деражню, так как брат не мог ее больше содержать.

Как они прожили этот год, чем они питались и где она доставала на пропитание семьи, трудно рассказать. Продавала она самогон. Теперь из-за русской горькой самогон идет слабее. Все же в течение недели она продает от 5 до 10 бутылок самогону. Так за последнюю неделю она продала 6 бутылок самогону и на них заработала 1 р. 50 коп.

«Что переживаю я, что переживают мои дети при продаже самогона! Но что делать, кушать ведь хочется!»

За последние недели она выпросила у одного мануфактуриста несколько крестьянских костюмов на пошивку. За неделю шитья она заработала один рубль. Рассказывая об унижениях, переживаемых ею при получении этой работы, она заплакала. Швейной машины у нее нет, и приходится одалживать у добрых людей [1] на 1—2 дня машину.

---

[1] И тут „добрые люди"! А что стоило рабселькоопу создать такую мастерскую? Ведь хозяйчик мануфактуру покупает в той же кооперации.

Весною они зарендовали полгектара земли в 3 километрах от Деражни за 40 руб., и теперь ежедневно дети уходят в поле. 40 рублей они получили в С.-х. банке в виде ссуды. Один из сыновей уехал в Сталино, где начал работать при коксовых печах. Удастся ли ему окончательно там устроиться—это еще вопрос. Деньги на поездку его в Сталино «добрые люди» собирали путем обхода местечка.

Дом, в котором живет Швейцер, был национализирован и теперь ей же сдан по договору в аренду.

Я читал этот договор. Швейцер в течение 2 лет должна уплатить аренды 439 руб., причем большую часть денег она должна вложить в ремонт дома. Что же за ремонт должна она произвести? Необходимо покрасить полы, остеклить окна целыми стеклами и т. д.

Разве все это не издевательство над бедняком, с таким трудом переходящим на новые рельсы!

«На-днях был техник, составил акт, что я не покрасила полы, и передал этот акт в суд. Скоро меня выбросят из дома. Куда я тогда пойду?»

6. Семья безработного Глузмана состоит из 4 человек. Сам Глузман жизнерадостный, здоровый молодой парень, готовый, как он говорит, грызть камни, лишь бы достать кусок хлеба для своих детей. Был он в Красной армии, участвовал в боях. Когда Глузман прибыл из армии, он не знал, за что взяться. До революции у него никакой специальности не было. Добрые люди[1] купили ему за 30 рублей лошадь, и он стал ломовым извозчиком. В осенние месяцы он зарабатывал по 10—12 рублей в неделю, но у него чистых заработков оставалось мало, так как прокорм лошади и раз-

[1] Интересно, что лошадь купили ему „добрые люди", а не советская общественная организация—комитет помощи.

вые починки обходились ему около 5—6 рублей в неделю. Зимою лошадь пала, и он пошел работать в склад Кооптаха в качестве чернорабочего. Там он работал около 4 месяцев и получал по 27 рублей в месяц [1]. Работа в Кооптахе сезонная, и в настоящее время он безработный. По 5—6 дней в течение месяца он работает на случайных работах. Так в день подсчета его приходов он работал по переноске кирпичей для строящегося дома райсоюза. За 12 часов работы получил 1 рубль.

Заработок имеет и его жена. Она умеет шить и в течение месяца зарабатывает до 12 рублей. В общем заработок этой семьи равен в среднем 20—22 руб. в месяц.

7. Бывший кузнец. 6 лет он совместно с братом работал в кузнице. Как слабый специалист, он очень мало зарабатывал. Положение ухудшилось еще и потому, что он заболел туберкулезом. Пришлось бросить кузнечное дело. Братья разделили между собою инструменты; больной брат продал эти инструменты за 25 руб. и перестроил часть кузницы под жилое помещение. В этой конуре, где даже нет печи, живет он с женой и ребенком уже 5-й год.

Интересен следующий факт. Попробовал он в этом году к этой конуре пристроить нечто похожее на комнату. Возвел он стены, но вдруг явились из комхоза и запретили ему строить. Потребовали они от него, чтобы он уплатил 1 р. 65 коп. за марку к заявлению о постройке и 5 рублей за составление плана этого дворца; кроме того комхоз потребовал, чтобы эта конура была покрыта не досками, а железом, хотя домик этот стоит на краю местечка, где большинство

[1] За эти 4 месяца он никак не мог попасть в союз, хотя и подавал несколько заявлений. „Янский не захотел—и ничего не поделаешь".

домов покрыто соломой. «Теперь, говорит бывший кузнец, живу я под открытым небом, крышу не дают мне чинить, а достать 5 рублей на план не у кого». Уже потом я узнал, что не в одном бедняцком доме этот «план» поглотил 10—15 рублей. Техник комхоза зарабатывает по 300—400 рублей в месяц, ибо планы, составленные не техником, не принимаются.

Чем же занимается бывший кузнец?

Основной источник дохода — поденная работа. В течение месяца он работает не более 5—6 дней, потому что нельзя найти в Дераже работы. За десятичасовой рабочий день он получает 1 рубль. Часто работает он сдельно. Перед пасхой он разносит мацу и на этой работе зарабатывает 25—30 рублей. Кроме того его жена занимается скупкой разной живности. Это ей дает до 12 руб. в месяц. Таким образом в среднем семья эта зарабатывает до 20 рублей в месяц.

Состояние здоровья этого кузнеца, его неустойчивое материальное положение сделало его раздражительным и малоразговорчивым. Он недоволен миром, советской властью—всем.

8. Глава семьи — перекупщица разной живности. До 1918 года семья эта жила сносно. Муж был квалифицированным портным. В 1918 году он умер и оставил семью в 4 человека. Есть сын 19 лет, но он слабый помощник семье. 3-й год он учится у парикмахера и теперь получает по 3 руб. в месяц [1]. Грамоте он не учился. Второму сыну 16 лет, но он еще нигде не работает. Он болен туберкулезом и по целым дням лежит в постели. Квартира этой семьи не на много отличается от квартиры кузнеца. Комната только несколько

---

[1] „Бывает, что в течение 3 месяцев я ничего не получаю, — хозяин говорит: нет денег".

меньше комнаты кузнеца. Зарабатывает «глава» семьи около 10 рублей в месяц. В июне 1927 г. она заработала 6 руб. 75 коп.

Вот вкратце источники доходов этих 4 семей. Таких семей в Деражне не менее 200.

Остальные 7 бюджетных бланков составлены на семьи, главы которых занимаются ремеслами. Приходы у этих семей резко отличаются от приходов торговцев и деклассированных. Приходы кустаря более постоянны и большей частью зависят от его промысла. Конечно доходы кустаря не так постоянны, как доходы рабочего или служащего. У кустаря бывают месяцы затишья. Так для некоторых кустарей август—один из лучших месяцев (для столяров и строителей), а для других (портных, шапочников) — наоборот.

Как бы то ни было, приходы кустаря могут быть учтены за более длительный период времени — хотя бы за год. Доходы кустарей не так уж индивидуальны, и поэтому отдельные бюджеты не нуждаются в особой характеристике.

Деражненского кустаря неудовлетворяют существующие формы закупки сырья и продажи готовых изделий. Необходимое ему сырье он покупает на худших условиях, чем до войны.

Деражненские портные (крестьянские портные) недовольны лжеартелями по выработке крестьянского готового платья, так как эти артели сильно снижают цены за счет беспримерной эксплоатации работника на дому. Очевидно назрела необходимость организации кооперативного магазина готового платья.

В общем кустарь на свое материальное положение не жалуется. По сравнению с довоенным временем середняк кустарь многого не потерял, а в некоторых цехах (столяры, кузнецы и т. д.) даже выиграл.

Вот данные о средне-месячных заработках каждой переписанной семьи. Заработки ремесленника устанавливались путем подсчета заработков за целый год, причем для проверки подсчитывались заработки за последний месяц и за месяц максимальной доходности. Все же данные о приходах кустарей только относительно точны, возможны уклонения в ту или иную сторону на 5—10%.

№№ бюджета	Наименование профессии главы семьи	Сумма доходов в среднем за мес.	Примечание
9	чулочник	30 —	Работает он по 10 час. в день совместно с женой.
10	модистка	60 —	Модистка зарабатывает 35 р. а сын, работая учеником в Кооптахе, зарабатывает 25 р.
12	сапожник	42 20	сапожник зараб. 24 р., а семья выпечкой бубликов зарабатывает 18 р. 20 к. в месяц.
13	сапожник	70 —	работают у него 2 мастера, сам он совершенно не работает.
14	шапочник	90 —	ремеслом зарабатывает 70 руб. и от общ. раб. 20 руб.
15	жестянщик	85 —	сюда входит 10 руб., которые он получает за сдачу квартиры в аренду.

Как видно, заработки этих семей мало чем отличаются от среднего заработка рабочего, а в некоторых случаях даже превышают средний заработок рабочего Деражни.

Таких кустарей, которые зарабатывают по 70—80 рублей в месяц, можно насчитать несколько десятков.

Среди столяров, кузнецов почти все зарабатывают не менее 60 руб. в месяц. У сапожников, портных, моди-

сток лишь одиночки вырабатывают такую сумму, остальные же зарабатывают менее 50 рублей в месяц.

Вот в общих чертах приходы всех 15 переписанных семей.

В первых двух группах доходы ни у кого не превышают 50 рублей в месяц, большей частью доходы колеблются между 20 и 30 рублями, причем источники этих доходов случайны. В отдельных семьях первых 2 групп доходы могут быть названы доходами лишь условно: американские переводы, продажа вещей, проедание денег взятых взаймы,—вот источники «доходов» некоторой части переписанных семей. Эти источники временны, и нет никаких сомнений, что если эти семьи не получат трудовой помощи, то в ближайшие же месяцы они совершенно опустятся. В третьей группе у ремесленников — доходы приличные и носят здоровый характер.

Глава VIII.

15 БЮДЖЕТОВ (РАСХОДЫ).

Вот как распределяются обследованные семьи по их расходному бюджету:

Средняя сумма расходов в месяц на одну семью	Число семей
I до 15 руб.	1
II от 15—25 „	4
III „ 25—35 „	2
IV „ 35—50 „	6
V свыше 50 руб.	2
Всего 15 семей.	

Больше всего имеется семей с расходами от 35 до 50 руб. в месяц (6 семей), затем следуют семьи с расходами от 15 до 25 руб. в месяц. Но так как расходы в основном зависят от числа едоков в семье, то лучше всего рассмотреть средний расход на одного едока.

По средне-месячным расходам на одного едока переписанные семьи распределяются следующим образом:

Расходы на едока в среднем в месяц	Число семей
I до 5 руб.	1
II от 5— 8 „	2
III „ 8—12 „	5
IV „ 12—15 „	4
V „ 15—20 „	0
VI „ 20—25 „	3
Всего . .	15 семей

В среднем на одного едока расходуется в месяц 12 р. 89 к., причем в большинстве семей расходы на одного едока равны от 8 до 15 руб., и лишь в 3 семьях из 15 семей расходы на одного едока выше 20 р. в месяц.

Если рассматривать средне-месячные расходы на одного едока по отдельным социальным группам, то мы получим следующую табличку:

Социальные группы	Число семей	Средне-месячный расход на одного едока	
		руб.	коп.
1. Торговцы и бывш. торговцы	4	10	95
2. Деклассированные и безработные семьи	4	7	76
3. Кустари	7	16	94
По всем 15 бюджетам .	—	12	89

В среднем на одного едока в семье кустаря расходуется почти в два раза больше, чем в семьях остальных групп, причем в семьях кустарей средне-месячный расход на одного едока не спускается ниже 11 рублей 5 коп. в месяц.

У торговцев же лишь в 2 семьях расходы подымаются выше 10 рублей.

Расходы у деклассированной группы, по вполне понятным причинам, на много ниже расходов остальных групп; минимум по этой группе спускается до 4 р. 89 к. на одного едока в месяц (в семье Швейцер).

Нельзя, конечно, сравнивать расходный бюджет деражненского жителя с расходным бюджетом обследован-

ных ВУСПС рабочих, нельзя хотя бы уже потому, что расходы обследованной рабочей семьи на много выше (чуть ли не в 3 раза больше) расходов деражнянца. По данным ВУСПС[1] средне-месячный расход рабочей семьи (состоящей из 4,4 душ и 2,93 едока) осенью 1926 г. был равен 111 р. 63 коп., т.-е в 2,9 раз более расходов деражнянца.

Еще более показателен следующий факт.

Почти во всех 15 переписанных семьях расходы на питание не спускаются ниже 60%, а в некоторых семьях расходы на питание поглощают 77—80% всех расходов семьи.

По данным ВУСПС, в среднем рабочая семья расходует на питание лишь 46,1% своего бюджета, а деражнянец на питание тратит в среднем 62,6% своего расходного бюджета.

Но строение бюджета рабочего отличается от деражнянского не только расходами на питание. Вот сравнительная табличка по нескольким расходным статьям.

Статьи расх.	В % к общему итогу	
	Расходы у рабочих	У деражнянца
1. Строительство	0,6	—
2. Помещ., ком. услуги, ремонт	5,2	8,2
3. Дрова и керосин	5,7	7,6
4. Питание	46,1	62,6
5. Спиртные напитки	2,4	0,7
6. Одежда и туалет	25,2	9,9
7. Хозяйственные вещи	3,1	0,6
8. Религия	0,0	0,8
9. Общ.-полит. расходы	2,8	0,6

[1] „Стат. бюллетень", № 3, стр. 30—39.

Рабочая семья относительно[1] меньше расходует на еду, но зато ею на много больше тратится на одежду и туалет, на приобретение хозяйственных вещей и т. д.; рабочая семья совершенно не расходует на религиозные потребности, зато около 3% расходуется на общественно-политические цели.

В семье дераженца одежда и туалет занимают скромное место (9,9% всего бюджета), религия забирает 0,8%, и совершенно отсутствуют расходы на новое строительство, хотя дераженец относительно больше тратит на помещение, нежели рабочая семья.

Рассмотрим расходный бюджет переписанных семей по отдельным статьям.

На строительство, как видим, ни одна семья ничего не тратила.

За последний год было зафиксировано несколько случаев купли домов кустарями, но строить новые дома никто не решается. Объясняется это дороговизной нового строительства, сравнительно невысокой квартплатой и возможностью купить готовый дом по очень дешевым ценам.

Несмотря на прекращение нового жилстроительства и на рост населения (на 10—15% по сравнению с довоенным временем), в Дераже легко достать квартиру за умеренную плату. Те, которые до войны занимали целый дом в 5—6 комнат, живут теперь в 1—2 комнатах. Этим уплотнением объясняется отсутствие в местечке жилищного кризиса.

Из всех 15 семейств живут в своих собственных домах лишь 9, а остальные 6 семей живут в чужих домах (комхоза, частные).

---

[1] Абсолютно, конечно, рабочая семья больше расходует на питание. По данным ВУСПС, раб. семья тратит на питание 31 р. 42 к., а дераженская—23 р. 83 к.

По числу занимаемых этими семьями комнат они распределяются следующим образом.

	Число семей	С числ. членов	На 1 комн. приход. в средн. член. семьи
I. Занимают по одной комнате . . .	5	19	3,8
II „ „ две комнаты . . .	8	30	1,9
III. „ „ три „ . . .	2	12	2,0
	15	61	2,2

В почти невозможных жилищных условиях живут 5 семей, занимая по одной комнате. На одну комнату приходится в среднем почти 4 человека. Нужно видеть эти «комнаты», чтобы судить об удобствах таких жилищ.

Вот вкратце описание квартиры сапожника. Огороженное тонкими досками полуподвальное помещение; посреди комнаты два столба поддерживают потолок. Вход прямо с улицы, пол земляной, небольшое полузабитое фанерой окно. Вся комната имеет 10 квадратных метров и в ней живут 4 человека.

Свыше 7 кв. метров на одну душу приходится только в 4 семьях, в остальных же норма жилой площади ниже 7 кв. аршин, а у 4 семей норма эта ниже 3—4 кв. метров на одного человека.

При такой скученности возможно, конечно, использование этого положения со стороны домовладельцев. Уже теперь 30% семей Дераж ник снимают квартиры — неслыханный для местечка процент квартиронанимателей. Квартирные дела до сих пор разрешаются по-семейному; до суда дела редко доходят. Квартплата устанавливается в зависимости от спроса в данный момент на квартиры. О квартирном законе, о норме квартплаты в Дераж не никто еще не знает. Случаи, когда

бедняк выплачивает 20 и 30% своего мизерного заработка квартирохозяину, имеются, но и квартирохозяин и квартиронаниматель считают такое положение нормальным.

Не останавливаясь на детальном разборе расходов на топливо, я укажу здесь на то, что топливный рынок находится всецело в руках частника, что местная кооперация заготовкой топлива не занимается, хотя в бюджете дережненца топливо и керосин занимают 4-е место (7,6% расходного бюджета).

Сравним расходы на одного едока и долю питания в общем расходном бюджете.

Расходуется на одного едока в среднем в месяц.	Число семей	% расходов на питание в этих семьях.
I до 8 рублей на едока	3	68,2
II от 8 до 12 руб.	5	67,8
III свыше 12	7	60,0
Средний процент расхода на питание по всем 15 обслед. семьям.		62,6

Тенденция к уменьшению доли питания в общем расходе при количественном увеличении расходов имеется, но тенденция эта весьма слабая. Это говорит о том, что, несмотря на различие в норме расходов на едока, физиологические потребности почти во всех обследованных семьях (за исключением одной) до сих пор остаются неудовлетворенными, и что дальнейший рост расходного бюджета будет происходить, главным образом, за счет количественного и качественного улучшения питания. На питание дережненская семья в среднем тратит 23 р. 83 к., т.-е. по 8 р. 07 коп.

на едока. Но в отдельных семьях и в отдельных социальных группах расходы на питание различны.

Социальные группы	Число семей	Расходы на питание на 1 едока		% расх. на питание ко всему расходу
		руб.	коп.	
I. Торговцы и бывш. торг.	4	7	26	65.5
II. Деклассир. и безработ.	4	5	08	67.0
III. Кустари	7	10	00	60.3
По всем группам .	15	8	07	62,6

Меньше всего (количественно) расходует на питание одного едока вторая группа (деклассиров.), почти в два раза меньше, чем кустари. По сравнению с кустарями меньше расходует на питание также и первая группа (торговцы). Между тем процент расходов на питание ко всему бюджету выше у первых двух групп, нежели у кустарей.

Чем питается дераженец?

В предлагаемой ниже таблице даны основные продукты питания в кг. в месяц (август 1927 г.) в среднем на одного едока, а также состав суточного питания в калориях. (Количество едоков, как мы разъяснили выше, не совпадает с количеством душ.)

Напомню, что при состоянии покоя взрослому человеку в день требуется 2 400 калорий.

при умеренном труде 2 400 — 3 000 калорий,
„ тяжелом „ — 3 000 — 3 800
„ очень тяжелом „ — до 5 000

Продукты питания в кг. в месяц, в среднем на одного едока.		Состав суточного питания в калориях на одного едока.
1. Хлеб ржаной	15,7	1 021
2. „ пшеничный	3,8	279
3. Крупа всякая	1,4	175
4. Проч. хлеб. продукты	0,5	
5. Картофель	14,8	299
6. Фрукты	3,8	42
7. Масло постное	0,1	36
Итого растительных продуктов	40,1	1 852
8. Мясо всякое	3,1	93
9. Сало всякое	0,08	29
10. Рыба свежая	0,3	5
11. Сельди	6,2	8
12. Молоко	9,2	200
13. Масло коровье	0,3	70
14. Прочие молочные продукты	0,3	8
15. Яйца	0,7	33
Итого животных продуктов	20,2	446
16. Сахар	1,1	142
17. Прочие сладости	0,08	9
18. Соль	0,7	
Итого прочих продуктов	1,9	151
Всего продуктов	62,2	Всего калорий 2 449

Таков количественный и качественный состав питания переписанных 15 семей Деражни. В среднем на одного едока приходится 2 449 каморий, т.-е. столько, сколько необходимо взрослому человеку при полном покое.

Насколько неудовлетворительно в количественном отношении питание деражнеца, можно видеть хотя бы по следующему: по данным ЦСУ на одного взрослого

горожанина в феврале 1924 г. приходилось в день калорий [1]:

Мы получим еще более печальные выводы, если сравним состав питания рабочей семьи на Украине [2] с составом питания деражненской семьи.

Среднее месячное потребление едока в килограммах.

	В рабочей семье	В семье деражнеца	Во сколько раз больше (+) или меньше (—)
Хлеб ржаной	3,7	15,7	— 4
„ пшеничный	22,6	1,6	+ 6
Масло постное	0,6	0,1	+ 5
Мясо всякое	6,2	3.1	+ 2
Сало всякое	0,9	0,08	+ 10
Молоко	5,8	9,2	— 1,5
Масло коровье	0.2	0,03	— 1.3
Сахар	1,3	0,11	+ 1,2
Всего потребляется одним едоком в месяц	41,3	31,3	+ 1,25

В весовом отношении взрослый украинский рабочий потребляет на 25% больше деражнеца, но больше всего поражает качественное различие питания в этих двух группах. Украинский рабочий почти совершенно отказался от ржаного хлеба, деражнец же питается почти исключительно ржаным хлебом. Те 3,9 кило пшеничного хлеба, которые получаются в среднем на

---

[1] „Состояние питания городского населения СССР—1919—1924 г.", изд. ЦСУ СССР.

По всему СССР . . . . . 3210 калорий
по РСФСР 3234
„ УССР 3114
„ БССР 2949

[2] „Статбюллетень" № 3 ВУСПС и НКТ УССР.

одного едока, являются только статистическими средними, в действительности же из 15 переписанных семей лишь 8 семейств покупали в августе пшеничную муку. Мясо, сало, сахар потребляется украинским рабочим в несравненно большем количестве, чем деражненцем.

Исключение составляют молоко и коровье масло, по которым нормы потребления деражненца выше, чем украинские данные для рабочих, но это объясняется дешевизной молочных продуктов[1] в Деражне и наличием у некоторых из перечисленных семей коров.

Данные о потреблении продуктов являются средними по всем переписанным 15 семьям. Конечно, по отдельным социальным группам, а также в отдельных семьях имеются резкие отклонения от общей средней.

Питание современного деражненского ремесленника представляет собою идеал для остальных групп местечка.

Вот потребление по отдельным социальным группам.

Потребление в кг. на одного едока в среднем в месяц

Наим. продуктов \ Соц. группа	Торговцы	Деклас. и безраб.	Ремеслен.	Средняя по всем группам
I. Пшеничный хлеб . .	3,2	0	6,5	3,8
II. Мясо всякое . . .	3.2	2,0	3.73	3,1
III. Масло коровье . . .	0,3	0	0,5	0,3
IV. Сахар	1,4	0,5	1,3	1,1

[1] Кило масла в августе 1927 г. покупали в Деражне за 1 руб. Стакан молока стоил 1½ коп.

Как видим, качественно, потребление деражненского ремесленника на много превышает потребление торговца. О декласспрованной группе говорить не приходится. Вот, к примеру, потребление продуктов одним едоком в семье Швейцер (табаковод):

	В августе 1927 г. потребление на одного едока в кг.	Суточное питание в калориях
Хлеб ржаной	12,6	830
Картофель	25,2	516
Мясо всякое	1.4	66
Сельдь	0,6	21
Сладости [1]	0,3	46
Соль	0,8	—
Всего калорий		1 479

Норма питания в семье Швейцер, как видим, уже ниже голодной нормы, и при таком питании приходится ежедневно работать в поле.

Таких семей в Деражне несколько десятков.

Из основной таблицы настоящей главы видно, что в среднем деражненская семья расходует на жилище и питание 78,4% своего расходного бюджета. На все остальные нужды остаются 21,6% бюджета, или же 8 руб. 23 коп.

Эти 8 руб. 23 коп. составляют средне-месячный расход семьи на одежду, гигиену, покупку хозяйственных вещей, культурные нужды и т. д. Вот как распределяются эти 8 руб. 23 коп. по отдельным статьям бюджетного расхода.

[1] Сахар не покупают, но иногда покупают на несколько копеек мелких конфект.

В среднем на одну семью расходуется в мес. на:

Статьи расходов	Сумма расходов		В % ко всем расходам
	Руб.	Коп.	
I. Спиртные напитки .		26	0,7
II. Табак, папир., спички	—	31	0,8
III. Одежду и туалет .	3	75	9,9
IV. Стирку и мыло . .	—	84	2,2
V. Гигиену		46	1,2
VI. Лечение	—	49	1,2
VII. Хоз. вещи и укр. жилище	—	24	0,6
VIII. Культ. прос. рас. .	1	05	2,7
IX. Общ. полит. расх. .	—	22	0,6
X. Религию	—	29	0,8
XI. Прочие расходы .	—	32	0,9
Итого . .	8	23	21,6

Самый крупный расход в этой группе — это расход на одежду и туалет, поэтому мы детально остановимся на этой статье расходного бюджета.

Для того чтобы ясно стало, насколько мизерны расходы деражнещев на одежду и туалет, мы укажем, что по данным бюджетного обследования украинских рабочих средне-месячный расход рабочей семьи (с средним числом душ в 4,4) на одежду и туалет составляет 28 руб. 16 к.[1], т.-е. рабочая семья в 1926 г. расходовала на одежду и 7,5 раз больше, чем деражнепская семья.

[1] „Статбюллетень № 3 ВУСНС и НКТ УССР.

На какие же цели израсходованы эти 3 рубля 75 к.? Все расходы по этой статье могут быть распределены на следующие 2 группы: 1. Расходы на приобретение новых вещей. 2. Расходы на починку.

Лишь 2 р. 95 к. расходовалось на приобретение новых вещей, на починку же ежемесячно тратилось 80 коп., главным образом на починку обуви.

Вообще же основной расход по этой статье (одежда и туалет)—это расход на приобретение обуви. Из 2 р. 95 к. почти половина (1 р. 45 к.) расходуется на покупку обуви.

Таким образом все расходы на одежду и туалет могут быть распределены следующим образом:

	Расходы в месяц на одну семью
1. Приобретение тканей и готовой одежды .	1 р. 50 к.
2. На покупку обуви	1 р. 45 .
3. На починку (главн. образом обуви) . .	— 80 .
	3 р. 75 к.

Для приобретения тканей на семью в 4,1 человека остается 1 р. 50 к. в месяц в то время, когда нужда в одежде и белье весьма велика. Деражня, как и многие другие еврейские местечки, пережила несколько погромов. Самое лучшее было забрано. Мало, крайне мало приобреталось одежды и белья дераженцами за последние годы. Во всех переписанных семьях мне пришлось столкнуться с острой нуждой в белье. Почти нет семьи, где было бы более трех смен белья, у некоторых же семей на каждого члена семьи приходится по одной смене белья.

И в отношении расходов на одежду кустари находятся в несравненно лучших условиях, чем остальные семьи.

Расходы на одежду и туалет по отдельным социальным группам составляют:

	На одну семью в месяц
I. У торговцев	3 р. 20 к.
II. „ деклассиров. и безработных	1 р. 80 к.
III. „ кустарей	5 р. 20 к.
Средняя для всех 15 семей	3 р. 75 к.

Перед тем как перейти к разбору расходов на культурные, обще-политические и другие нужды, стоит еще несколько остановиться на расходах по закупке хозяйственных вещей. По этой графе записываются расходы по закупке мебели и обстановки, спальных принадлежностей, посуды и прочего инвентаря.

Всего по данным 15 обследованных семей по этой графе расходуется в среднем в месяц на одну семью 21 коп.

Ни в одной из переписанных семей не пришлось фиксировать покупки мебели, спальных принадлежностей [1] и т. д. 24 коп. расходовались исключительно на посуду (горшки, стаканы).

Мебели еврейское население Дережни не покупает уже несколько лет.

Сравнительно велик расход на лечение (49 к. на семью). В среднем каждая семья тратит около 6 рублей в год на лечение. В Дережне лишь члены профсоюзов обеспечены медицинской помощью. Кустари же, как и торговцы, т.-е. 90% местечка, пользуются частными врачами.

---

[1] Былое благоденствие в области постельных принадлежностей (перины, подушки) почти полностью испарилось.

Открыть в Деражне для кустарей и беднейшей части населения врачебный прием вещь довольно нетрудная: кустари не откажутся вносить месячные взносы на такое дело (об этом они неоднократно заявляли). Нужна только инициатива.

На культурно-просветительные нужды расходуется в среднем в дражненской семье 1 р. 05 к. в месяц. Такой сравнительно высокий расход на культурно-просветительные нужды объясняется тем, что в некоторых семьях имеются расходы по подготовке детей в учебное заведение (на репетиторов). Сравнительно много расходуется дражнещами на приобретение учебных пособий для детей. Во всех семьях, где дети учатся, мне пришлось слышать жалобы на дороговизну учебников.

Общественно-политические расходы, как и следовало ожидать, появляются лишь у кустарей. В первых двух группах нет расходов по членству и т. д., но из 7 кустарей лишь у 4 зафиксированы такие расходы. Зато почти у половины всех переписанных семей имеются показания о расходах на религиозные нужды. В среднем на одну семью приходится 29 коп. расходов на религиозные нужды.

Расходы по налогам мною выделены из потребительского бюджета. Из всех 15 переписанных семей лишь 3 семьи полностью освобождены от налогов.

Ремесленники, за исключением одного сапожника, уплачивающего до 20 руб. в год (у него работает 2 мастера), обложены небольшим налогом. В среднем им приходится уплачивать не более 1% своих заработков. Больше всех, конечно, платят налогов первые четыре семьи (торговцы).

*

Полученные данные приводят нас к следующим выводам:

1. Фактически все 15 обследованных семей могут быть распределены на 2 группы: ремесленники и не-ремесленники, так как торговцы и бывшие торговцы по своим приходам и расходам ничем не отличаются от деклассированных и безработных семей.

2. Приходы и расходы ремесленников резко отличны от приходов и расходов остальных семей.

Бюджет ремесленника довольно устойчив; его приходы почти исключительно получаются от ремесла.

3. В некоторых случаях норма потребления ниже голодной. Вполне понятно, что остальные потребности остаются совершенно неудовлетворенными.

*

Таково лицо Деражни. Такова жизнь в той части еврейских местечек, которая находится в сравнительно более благоприятных условиях; в других еще хуже.

Выход из положения — только в создании возможностей для массового перехода местечкового населения к производительному труду, в первую очередь к земледелию.

Широкое развитие мероприятий в этой области—залог того, что местечко может быть выведено из того критического положения, в котором оно сейчас находится. Трудности, стоящие на пути к новой жизни, очень велики, но должны быть преодолены и будут преодолены людьми, которым нечего терять, кроме бесперспективной нищеты.

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
От автора	3
Предисловие	5
I. По дороге в Дережню	11
II. Дережня и ее торговля	17
III. Дережненские кустари и ремесленники	40
IV. Ростки новой Дережни	49
V. Дережненские органы власти	54
VI. Общественность и общественники Дережни	67
VII. 15 бюджетов (приходы)	85
VIII. 15 бюджетов (расходы)	104

65 коп.